Побег
от
Гудини
DEATH
Керри Манискалко

Керри Манискалко

Побег от Гудини

Серия «#YoungDetective»

Серия «Охота на Джека-потрошителя», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48457988
К. Манискалко. Побег от Гудини: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-114772-3

Аннотация

Одри Роуз Уодсворт и ее партнер по расследованию преступлений Томас Кресуэлл путешествуют через Атлантику на борту роскошного парохода «Этрурия». Особое развлечение для пассажиров первого класса – труппа цирковых артистов, гадалок и очень харизматичный молодой иллюзионист. Но как с ними связаны шокировавшие всех на борту жестокие убийства знатных молодых девушек? Ясно одно: убийцу необходимо вычислить, пока «Этрурия» не прибыла в порт назначения.

Содержание

Глава 1. «Лунный карнавал» 5
Глава 2. От мечты к кошмарам 20
Глава 3. Туз треф 36
Глава 4. Запутанная паутина 51
Глава 5. Рыцарь Мечей 68
Глава 6. Распиленный пополам 80
Глава 7. Самое жестокое убийство 95
Глава 8. Что значит имя? 110
Глава 9. Король наручников 120
Глава 10. Сердце или голова 128
Конец ознакомительного фрагмента. 133

Керри Манискалко
Побег от Гудини

Kerry Maniscalco
Escaping From Houdini

© 2017 by Kerri Maniscalco
© М. Максимова, Н. Луц, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Тем, кто верит в магию мечты.
Возможно все.

Ад пуст! Все дьяволы сюда слетелись! [1]
«Буря», акт I, сцена 2. Уильям Шекспир

[1] Перевод М. А. Донского.

Глава 1. «Лунный карнавал»

Королевский почтовый пароход «Этрурия»
Ливерпуль, Англия
1 января 1889 года

Новый год на борту «Этрурии» начался словно сказка, и это было первым признаком ночного кошмара, притаившегося на горизонте и, как и большинство злодеев, ожидавшего возможности напасть.

Наш круизный лайнер готовился к отплытию, и я отогнала смутное беспокойство ради шикарного сказочного мира, раскинувшегося перед нами. Начинался новый год, новая глава – прекрасная возможность оставить позади мрачные события прошлого, устремив взгляд в светлое будущее.

Будущее, в котором вскоре можно ожидать свадьбу… и первую брачную ночь.

Я глубоко вдохнула, сдерживая волнение, и посмотрела на сцену, расположенную в центре большого обеденного салона. На тяжелом бархатном занавесе цвета синих чернил, очень темном, почти черном, сверкали крохотные драгоценные камни. Воздушные гимнастки в украшенных бриллиантами лифах кружились на серебряных канатах – прекрасные пауки, плетущие сети, в которые я безнадежно попалась.

Пол был заставлен аккуратными созвездиями круглых

столов с лунно-белыми скатертями и вазами с лиловыми, кремовыми и голубыми цветами. Помимо прочих современных удобств «Этрурия» могла похвастаться собственной оранжереей, потому вокруг витали ароматы жасмина, лаванды и других ночных цветов, притягательные, но опасные, как и парящие над нами артисты в масках. Они без усилий перелетали с одной трапеции на другую, выпуская их из рук без страха упасть и с легкостью хватаясь за следующую перекладину.

– Из-за длинных шлейфов на костюмах они напоминают летящие звезды, не правда ли? Я бы не отказалась от платья с таким количеством драгоценных камней. – Мисс Прескотт, дочь сидящего напротив главного судьи, мечтательно вздохнула. Ее карамельного цвета волосы и лукавый взгляд карих глаз напомнил мне мою кузину Лизу. Поставив бокал с шампанским, она подалась чуть ближе, и понизив голос до заговорщицкого шепота, спросила: – Мисс Уодсворт, вы слышали легенду о Мефистофеле?

Не отрывая взгляда от завораживающего зрелища над нами, я покачала головой.

– Не припоминаю. Сегодняшнее представление основано на ней?

– Полагаю, пора рассказать.

Норвуд, гордый капитан «Этрурии», громко откашлялся, привлекая внимание нашего стола: Прескоттов, дяди Джонатана, моей компаньонки миссис Харви и ужасно обаятельно-

го мистера Томаса Кресуэлла – молодого человека, который завоевал мое сердце так ловко, как иной шулер выигрывает одну игру за другой.

Под присмотром дяди мы с Томасом совершили изнурительное двухдневное путешествие из Бухареста в Ливерпуль, чтобы сесть на «Этрурию», отплывающую в Нью-Йорк. Во время поездки мы проявляли чудеса изобретательности, выкрадывая мгновенья для поцелуев, и сейчас в моих мыслях непрошено вспыхивало каждое тайное свидание – мои руки в его темно-каштановых волосах, его губы, огнем горящие на моей коже, наш…

Мисс Прескотт легонько толкнула меня под столом, возвращая мое внимание к беседе.

– …если, конечно, верить легендам. Носит имя персонажа немецкого фольклора, Мефистофель – это демон на службе у дьявола, – говорил капитан Норвуд. – Известный тем, что похищает души тех, кто уже развращен. Он полон магии и обмана и к тому же блестящий шоумен. Вот, взгляните на эти карты таро, которые он положил на столы. На каждой изображен один из его артистов.

Он поднял красочную колоду нарисованных вручную карт.

– Обещаю вам неделю непревзойденной магии и тайн. Каждую ночь нас ждет новое, доселе невиданное представление. Этот пароход войдет в историю, помяните мои слова. Скоро каждый круизный лайнер станет пристанищем подоб-

ных развлечений. Это послужит началом новой эры в путешествиях.

Его почти благоговейный тон заставил меня вскинуть бровь.

– Капитан, вы хотите сказать, что наняли демона для нашего развлечения, и это наверняка станет последним писком моды?

Томас поперхнулся водой, а мисс Прескотт послала мне озорную усмешку.

– На корабле есть часовня или церковь? – поинтересовалась она, невинно округлив глаза. – Сэр, что же делать, если у нас выманят наши души?

Капитан пожал плечами, наслаждаясь интригой.

– Подождите и сами все увидите. Осталось недолго.

И он переключил свое внимание на взрослых. Мисс Прескотт вскочила с места, напугав меня и заработав неодобрительный взгляд отца.

– Пожалуйста, еще одну маленькую подсказку?

Наверное, меня подзуживал дьявол, потому что, не удержавшись, я добавила:

– Не хотелось бы впасть в истерику и броситься за борт. Мы же недалеко отошли от порта? Может, я смогу доплыть…

Мисс Прескотт медленно моргнула, прислушиваясь к своим ощущениям.

– В самом деле, капитан. Кажется, я вот-вот упаду в обмо-

рок! Вы думаете, это Мефистофель? – Ее голос стал пронзительным. – Его трюки действуют на расстоянии? Интересно, на скольких людей он может воздействовать одновременно.

Наклонившись вперед, я пристально, словно доктор, осмотрела ее.

– Мисс Прескотт, вы немного побледнели. Ваша душа еще при вас?

Томас фыркнул, но не осмелился прервать это новое представление. В вечернем платье из темно-синего шелка, в черных перчатках и сверкающих драгоценностях я чувствовала себя почти такой же ослепительной, как и акробаты над головой.

Мисс Прескотт стиснула руками в перчатках горло и выпучила глаза.

– Знаете, я чувствую себя очень странно. Более легкой. – Она покачнулась и схватилась за живот. – Капитан, не послать ли за нюхательной солью?

– Полагаю, в этом нет необходимости, – ответил он с тяжелым вздохом, без сомнения, жалея о том, что посадил нас рядом. – Уверяю вас, этот Мефистофель безобиден. Он просто человек, который притворяется легендарным злодеем, и ничего более.

– Клянусь, моя душа слабеет. Что скажете? Я не выгляжу… более прозрачной? – Глаза у мисс Прескотт стали размером с блюдца, когда она опустилась на свое место и огляделась. – Интересно, нет ли на корабле фотографов духов.

Я слышала, что они могут запечатлеть на пленке подобные вещи. Моя одежда не становится неприличной?

– Еще нет. – Я прикусила губу, стараясь не засмеяться в голос, особенно от того, что миссис Прескотт, похоже, была готова рассердиться на выходку дочери. – Мы можем вас взвесить, чтобы посмотреть, нет ли разницы.

Неодобрительно покачав головой, дядя прервал разговор с Томасом, но, прежде чем он успел что-то сказать, к нему подбежал стюард с телеграммой. Изучив послание, дядя закрутил кончики светлых усов, сложил бумагу и бросил на меня загадочный взгляд.

– Прошу меня извинить. – Он встал. – Должен вас покинуть.

Глаза мисс Прескотт сверкнули.

– Наверное, у вашего дяди секретные уголовные дела. Я читала в газетах о вашем участии в деле Потрошителя. А это правда, что вы с мистером Кресуэллом помешали вампиру в Румынии убить короля с королевой?

– Я… что? – Я покачала головой. – О нас с Томасом писали в газетах?

– Конечно. – Мисс Прескотт глотнула шампанского, провожая взглядом выходящего дядю. – В Лондоне только и шепчутся, что о вас и вашем бравом мистере Кресуэлле.

Я не могла сейчас думать о том, в какой спектакль превращается моя собственная жизнь.

– Простите. Я… мне надо подышать.

Я привстала, не понимая, стоит ли мне последовать за дядей, но миссис Харви похлопала меня по руке.

– Я уверена, что все хорошо, дорогая. – Она кивнула на сцену. – Начинается.

Вокруг чернильных кулис заклубились струйки дыма. Запах был таким сильным, что вызвал в зале несколько приступов кашля. У меня тут же засвербело в носу, но по сравнению с тем, насколько участился мой пульс, это была сущая ерунда. Я не знала, от чего это произошло: возможно, от внезапного ухода дяди, или от того, что наши с Томасом криминалистические таланты попали в газеты, может быть, от предвкушения сегодняшнего представления. Возможно, от всего этого вместе.

– Леди и джентльмены!

Глубокий мужской голос, зазвучавший как будто отовсюду, заставил пассажиров повернуться на своих местах. Я покрутила головой в поисках человека, которому принадлежал бесплотный голос. Наверное, он изобрел какое-то приспособление, чтобы звучать по всему залу.

– Добро пожаловать на шоу.

Слова разнеслись эхом, а по залу пробежал гул голосов. Затем воцарилась тишина и негромко зазвенели цимбалы, еще немного и их тихий звон достиг оглушительного крещендо. Слуги подняли крышки с тарелок, открывая поистине королевские яства. Но похоже, никто не заметил ни филе под грибным соусом, ни большую горку жареного карто-

феля, – нам не была интересна еда, нас привлекал голос.

Я глянула на Томаса и улыбнулась. Он ерзал на стуле, словно туда положили горячих углей и ему приходилось двигаться, чтобы не загореться.

– Нервничаешь? – прошептала я. Воздушные гимнастки грациозно спускались одна за другой.

– Из-за представления, которое, согласно афише, вызывает аритмию? – Он пролистнул программку в черно-белую полоску. – Нисколько. Жду не дождусь, когда у меня разорвется сердце. Это в самом деле оживит монотонный воскресный вечер, мисс Уодсворт.

Не успела я ответить, как раздался барабанный бой и из облака дыма в центре сцены возник человек в маске. На нем был сюртук цвета венозной крови, накрахмаленная рубашка и иссиня-черные брюки. Шляпу-цилиндр украшали алые ленты и серебряный витой шнур, а блестящая ажурная маска скрывала его глаза. Все зрители уставились на него, разинув рты, и губы артиста искривились плутовской улыбкой.

Мужчины повскакивали с мест, женщины раскрыли веера с таким шумом, словно взлетели сотни птиц. Появление человека, который не обращает внимания на поднявшуюся вокруг него бурю, кого угодно выбьет из колеи. До моих ушей долетали перешептывания о том, что он наследник дьявола. Или даже сам Сатана, как предположил отец мисс Прескотт. Я чуть было не закатила глаза. Я все же надеялась, что главный судья – более здравомыслящий человек. Ясно же, что

это ведущий.

– Позвольте представиться. – Мужчина в маске поклонился. Когда он выпрямлялся, в его глазах блеснуло озорство. – Я Мефистофель – ваш гид по таинственному и чудесному. Каждый вечер Колесо Фортуны будет выбирать вам развлечение. Однако после основного шоу вы можете поменяться местами с нашими артистами и принять участие в любом номере. От глотания пламени до укрощения львов, предсказаний и метания ножей. Ваше желание для нас закон. Однако предупреждаю: остерегайтесь полночных сделок, брать судьбу в свои руки не рекомендуется.

Пассажиры беспокойно завозились – наверное, раздумывая, какие сделки они могут совершить, как низко могут пасть в погоне за удовольствиями вдали от оставшегося на берегу бдительного общества.

– Наши трюки могут показаться конфеткой, но ее не так-то просто скушать, – прошептал Мефистофель. – Вы достаточно храбры, чтобы их пережить? Возможно, вы станете еще одним беднягой, потерявшим сердце и голову от моего полночного шоу менестрелей. Только вам решать. А пока?

Мефистофель бродил по сцене, как зверь в клетке, только и ожидающий возможности напасть. Мое сердце дико колотилось. Возникало отчетливое ощущение, что все мы – добыча, одетая в лучшие наряды, и, если не будем осторожны, его таинственное шоу сожрет нас.

– Сегодня первое из семи представлений, которые вас

ослепят.

Ведущий поднял руки, и из его рукавов к потолку вылетела дюжина белых голубей. Зрители, в том числе миссис Харви и мисс Прескотт, разразились восторженными криками.

– И ужаснут, – продолжил он, на этот раз с хрипотцой.

Через мгновение оказалось, что его галстук не из ткани – вокруг шеи Мефистофеля извивалась змея. Он схватился за горло, и его бронзовое лицо под ажурной маской побагровело. У меня самой перехватило дыхание, когда он согнулся и, захлебываясь, ловил ртом воздух.

Я почти вскочила, уверенная, что мы стали свидетелями смерти этого человека, но все же заставила себя дышать. Думать. Сопоставлять факты, как ученый исследователь, которым я и была. Это всего лишь шоу. Ничего более. Наверняка никто не умрет. Я делала короткие вдохи, но не из-за корсета вечернего платья. Представление было в высшей степени захватывающим и ужасным. Оно одновременно нравилось и внушало отвращение. Но восхищало больше, чем я могла признать.

– Боже мой, – пробормотала мисс Прескотт, когда Мефистофель с хрипом упал на колени. Его глаза закатились так, что стали видны белки. Я тоже задержала дыхание, не в силах отпустить напряжение в позвоночнике. Это должно быть иллюзией.

– Помогите же ему! – закричала мисс Прескотт. – Он умирает!

– Оливия, сядь! – сердито прошептала миссис Прескотт. – Ты ставишь в неловкое положение не только себя, но и нас с отцом.

Прежде чем кто-нибудь подоспел на помощь, ведущий оторвал змею и принялся дышать так, словно вынырнул из-под воды, по которой мы плыли. Я обмякла на стуле, а Томас усмехнулся, но я по-прежнему не могла оторвать взгляда от человека на сцене.

Мефистофель выпрямился, слегка пошатнулся и медленно поднял змею над головой. Свет люстр отразился на маске, придав половине его лица яростный оранжево-красный оттенок. Возможно, он сердился, потому что мы не прошли его проверку. Какими разодетыми чудовищами должны мы ему казаться: даже не оторвались от изысканного ужина, пока он боролся за жизнь, для нас это было лишь развлечением.

Он крутанулся раз, два, и ползучее пресмыкающееся исчезло. Моргая, я подалась вперед, а ведущий опять с гордостью поклонился публике: змеи в его руках больше не было. Зал взорвался аплодисментами.

– Боже, как? – пробормотала я. Здесь не было никаких коробок, никаких мест, куда можно спрятать змею. Я искренне надеялась, что она не доберется до нашего стола – Томас точно упадет в обморок.

– Вы даже можете… – воскликнул Мефистофель, кувыркаясь по сцене, причем цилиндр оставался у него на голове, он его не придерживал, – влюбиться.

Он коснулся цилиндра, и тот свалился ему на руки, как акробат, перепрыгнувший трапецию. Как и любой великий шоумен, он показал шляпу, чтобы мы убедились – это обычный цилиндр, разве что слишком яркий. Полностью обойдя сцену, он подбросил цилиндр в воздух и поймал, дернув запястьем. Я, не моргая смотрела, как он засунул руку по локоть в шляпу и вытащил дюжину чернильно-синих роз.

Его шляпа была абсолютно обыкновенной. Я была в этом почти уверена.

– Предупреждаю вас еще раз: не слишком привязывайтесь. – Голос Мефистофеля гремел так громко, что отдавался эхом у меня в груди. – Хоть мы и хвастаемся смертельно опасными номерами, никто не вечен. Не настанет ли сегодня ночью конец для некоторых? Не потеряете ли вы сердца? Или, – он через плечо ухмыльнулся толпе, – вы потеряете головы.

Прожектор осветил размалеванную куклу-клоуна, которой мгновение назад не было. Повернувшись, одним изящным движением ведущий метнул через сцену кинжал. Тот перевернулся в воздухе и погрузился в шею куклы с глухим стуком, заставившим публику умолкнуть. Одно напряженное мгновение ничего не происходило. Все замерли от ужаса. Мы ждали, боясь дышать. Тело куклы упорно оставалось приколото к доске, на которую до этого опиралось. Прошло еще мгновение, и Мефистофель хмыкнул.

– Ну, так не пойдет. – Он топнул. – Повторяйте за мной!

Топ. Топ. Топ.

Пассажиры подчинились, сначала медленно, затем обеденный зал неистово задрожал. Фарфор дребезжал, серебряные столовые приборы катились по столам, мерло выплескивалось из бокалов на дорогие скатерти, наши изысканные столы теперь напоминали места преступления. Решив ненадолго забыть о хорошем воспитании, я тоже топнула. Томас со смущенным видом последовал моему примеру.

Топ. Топ. Топ.

Топот отдавался в каждой клетке моего тела, заставляя кровь пульсировать в этом ритме. Это было нечто животное, дикое и в то же время… волнующее. Не верилось, что столько лордов, леди и благородных пассажиров первого класса поддались гедонизму и разгулу.

Миссис Харви обрушила на стол затянутые в перчатки кулаки, добавив воодушевления в топот, грохочущий в моих ушах. Мисс Прескотт сделала то же самое. Через мгновение голова куклы бухнулась на пол и покатилась к блестящим сапогам ведущего.

Топ. Топ. Топ. Казалось, никто не готов прекратить дьявольский ритм. Мефистофель был дирижером этой нечестивой симфонии, он сотрясал руками воздух, и топот достиг своей высшей точки.

– Тишина! – закричал он, и его голос перекрыл все остальное. Топот стих, словно ведущий был кукловодом, дергающим за ниточки. Некоторые, встав, восторженно кричали,

несколько мужчин в шелковых цилиндрах громко свистели.

Мисс Прескотт поднялась с стула. Ее лицо пылало, глаза горели, она не обращала никакого внимания на сердитые взгляды родителей.

– Браво! – закричала она, хлопая в ладоши. – Я говорю: браво!

Мефистофель задумчиво смотрел на отрубленную голову, будто заново переживая назойливое воспоминание, настолько гнусное, что его нельзя забыть, куда бы он ни сбежал. Я подумала, что его искусные иллюзии, как и все остальное, имеющее к нему отношение, на самом деле не то, чем кажется. К моему изумлению, он поднял голову куклы и подбросил в воздух, там она взорвалась фейерверком искр, похожих на падающие звезды, которые сгорали, не долетев до пола из черно-белых плиток. Нас всех накрыла тишина.

– Итак, я спрашиваю еще раз: что вы потеряете до истечения недели? Сердце? Голову? Возможно… – Он растягивал слова, его лицо погружалось в тень по мере того, как люстры медленно приглушали свет, пока не погасли совсем. – Вы потеряете жизнь, саму душу в этом магическом круизном шоу.

Задохнувшись, я подняла руки в перчатках, но с трудом могла их разглядеть. Мое сердце забилось быстрее, я озиралась в кромешном мраке, восхищаясь и одновременно опасаясь, не притаилось ли здесь чудовище. Похоже, это интриговало не только меня. В темноте шелестели возбужденные шепотки. Обещание смерти было более манящим, чем пер-

спектива влюбленности. Вот такие мы отвратительные существа: жаждем опасности и тайн вместо счастливого конца.

– Пока что, – мягко и ласково звучал из темноты голос ведущего, – наслаждайтесь вечером магии, шалостей и разгула.

Мои ладони стали влажными, я невольно подалась вперед, стремясь поймать еще одно слово, еще подсказку, еще одну частицу сверхъестественного. Будто услышав мои невысказанные желания, Мефистофель снова заговорил мурлыкающим голосом:

– Почтенные пассажиры «Этрурии»… прошу побаловать себя величайшим шоу всех морей. Добро пожаловать в великолепный странствующий цирк Мефистофеля, более известный как… «Лунный карнавал»!

Вспыхнул яркий свет, и я заморгала, стараясь прогнать темные пятна. Спустя мгновение миссис Харви вскочила из-за стола, бледная, как призрак. Томас потянулся поддержать ее, но она подняла трясущуюся руку.

Я проследила за ее взглядом и прикусила язык так сильно, что ощутила во рту вкус меди. Мисс Прескотт – девушка, которая только что восторженно хлопала в ладоши, – неподвижно лежала вниз лицом в луже крови. Из ее покрытой бархатом спины торчало с десяток глубоко вонзившихся кинжалов.

Я смотрела, ожидая, что она вздохнет или дернется. Откинет голову и рассмеется, довольная тем, что одурачила нас своим спектаклем. Но это была моя собственная иллюзия.

Глава 2. От мечты к кошмарам

Обеденный салон
Королевский почтовый пароход «Этрурия»
1 января 1889 года

Мгновение ничего не происходило, только звон в ушах становился все громче. Наверное, Томас окликал меня по имени, но я сосредоточилась только на том, чтобы заставить себя дышать. Нужно было оставаться спокойной, а эмоции не желали подчиняться. Я изучала трупы, но то, что рядом лежит только что убитый человек, никак не укладывалось у меня в голове.

Я встала, и зал накренился, стало невыносимо жарко. Я пыталась убедить себя, что все это ужасный сон, но миссис Прескотт пронзительно закричала, на нас уставились сотни глаз, и я поняла, что все по-настоящему.

Пассажиры за другими столиками ахнули, без всякого отвращения, даже… с восторгом, глядя на девушку, лежавшую в луже собственной крови с десятком столовых ножей вдоль позвоночника. Люди начали аплодировать, а у меня скрутило живот, я медленно моргнула и тут же поняла: они решили, что это еще один номер программы.

Для большинства присутствующих в салоне «убийство» мисс Прескотт было всего лишь частью шоу – да еще тако-

го грандиозного, по выражению мужчины за соседним столиком. Томас уже вскочил с места, он разрывался между рыдающей компаньонкой и мной, одновременно озираясь в поисках новой опасности. Мне хотелось ему помочь, быть полезной, но я не могла избавиться от пронзительного звона в ушах и тумана в голове. Все двигалось слишком медленно. Все, кроме моего сердца. Оно бешено колотилось о ребра. Этот тревожный ритм побуждал меня к действию, умолял бежать.

– Оливия! – Миссис Прескотт вцепилась в тело дочери, слезы падали на бархатное платье. – Вставай. Вставай!

Кровь, такая же темная, как и бушевавшие во мне эмоции, запачкала скатерть и лиф миссис Прескотт. Мисс Прескотт мертва. Я никак не могла осознать это, а мое сердце никак не хотело окаменеть и стать полезным. Как такое возможно?

Капитан Норвуд вдруг вскочил на ноги и принялся выкрикивать приказы, которые я не могла разобрать из-за непрерывного звона в голове. Суета вокруг нашего столика наконец заставила меня отвести взгляд от ножей и крови: пассажиров выводили из салона, однако веселье не утихало. За исключением нескольких человек за ближайшими столиками, никто особенно не встревожился. Я в ужасе опустила глаза: как можно принять такое за иллюзию? Столько крови.

– Уодсворт?

Томас, нахмурившись, коснулся моего локтя. Я невидяще уставилась на него. Жизнерадостная девушка лежит рядом

мертвая. Окружающее потеряло всякий смысл.

– Звучит жутко, но притворись, что мы эвакуируемся.

Томас наклонялся, пока наши глаза не встретились. Лицо его было таким же напряженным, как, наверное, и мое. Ему тоже непросто. Но если он смог прикинуться хладнокровным, то и я смогу. Стряхнув собственный ужас, я подскочила к миссис Прескотт и осторожно взяла ее за руки, чтобы успокоить и сохранить место преступления в неприкосновенности. Среди урагана эмоций я уцепилась за одну мысль: на борту произошло убийство и нам необходимо быстро собрать улики. Несмотря на страшную картину, тело перемещать нельзя. По крайней мере пока.

– Идемте, – сказала я как можно ласковее.

– Оливия! – взвыла миссис Прескотт. – Поднимись!

– Руфь, посмотри на меня. На меня, – прервал крики жены мистер Прескотт. Что-то в его голосе прорвалось сквозь ее нарастающую истерику. Она выпрямилась, хотя губы ее дрожали. – Иди в нашу каюту и скажи Фарли, чтобы налила тебе теплого бренди. Я пришлю доктора Ардена.

Я хотела пойти с ней, но теплая ладонь Томаса утешительно сжала мое плечо. Его серьезные золотисто-карие глаза внимательно смотрели на меня.

– Я провожу миссис Прескотт и миссис Харви в их каюты, а потом приведу твоего дядю.

Он не спросил, в состоянии ли я остаться с телом, он знал. Еще мгновение я смотрела на него, его уверенность

была бальзамом для моих расшатанных нервов, она успокаивала мои страхи. Кивнув, я глубоко вздохнула и повернулась к столу. Капитан Норвуд, не отрываясь, смотрел на пришпиленную к спине мисс Прескотт игральную карту, которую я заметила только сейчас. Прямо в центре позвоночника. Кровь застыла у меня в жилах. Тот, кто метнул нож, сначала насадил карту на лезвие. Возможное предупреждение и улика.

Пока Томас выводил двух женщин из салона, я вспомнила месяцы обучения криминалистике.

– Капитан, необходимо оставить все как есть. – Дядя гордился бы мной: я собрала свои эмоции, словно анатомические образцы, и отложила, чтобы препарировать их позже. – Вам также нужно допросить всех присутствующих.

– Мисс Уодсворт, было темно. – Норвуд тяжело сглотнул, его взгляд вернулся к ножам в спине мисс Прескотт и пронзенной карте. – Сомневаюсь, что они видели что-то полезное.

Мне захотелось дать ему подзатыльник за такое очевидное замечание.

Свет погас ненадолго, перед этим кто-нибудь мог заметить чье-то подозрительное поведение.

– И все-таки, сэр, – сказала я как можно более властным тоном.

Капитан стиснул зубы. Одно дело – выслушивать приказы от мужчины, и совсем другое – от семнадцатилетней дев-

чонки. Но ради убитой девушки, лежащей перед нами, я подавила раздражение.

– Мой дядя – эксперт в изучении мест преступления, – добавила я, уловив его сомнение. – Он посоветовал бы именно это.

Капитан провел ладонью по лицу. Смерть в первый же вечер «Лунного карнавала» никак не совпадала с его планами на будущее.

– Хорошо. Я отправлю членов экипажа в каждую каюту.

По команде капитана в салон вошла элегантная армия стюардов и как можно спокойнее начала выводить пассажиров первого класса. Несколько гостей бросили в нашу сторону встревоженные взгляды, но большинство с восторгом обсуждали реалистичность представления. Какой настоящей выглядит кровь. И как ведущему удалось добиться такой правдоподобности с ножами в спине? Капитан Норвуд не подтверждал, но и не опровергал эти теории. Стоя с мрачным лицом, он желал пассажирам приятного вечера.

Когда зал опустел, по моему собственному позвоночнику пробежала неприятная дрожь. Я обернулась и с удивлением обнаружила на сцене Мефистофеля. За маской было невозможно разобрать выражение его лица. Но в отличие от остальных его внимание было направлено не на убитую девушку. Он пристально смотрел на меня. Его взгляд был тяжелым, почти материальным. Интересно, видел ли он что-то, или, возможно, знает. Я сделала шаг в его сторону, соби-

раясь задать эти и другие вопросы, но он слился с тенями и исчез.

* * *

Помещение, которое нам предоставили для вскрытия мисс Прескотт, напомнило мне сырую пещеру.

Мы находились глубоко в недрах «Этрурии», рядом с котельной. Жара изматывала, а огни мигали чересчур часто, как будто само судно нервничало из-за предстоящих черных дел. Хорошо, что на борту была холодильная установка: в этом помещении тело не сохранить, оно раздуется и начнет привлекать паразитов.

Несмотря на жару, моя кожа покрылась мурашками. Как ни сопротивлялась, я не смогла избежать воспоминаний о другой зловещей лаборатории. Жужжание и гудение до сих пор прокрадывались в мои ночные кошмары. Страшные сны приходили реже, чем раньше, но время от времени мучали меня. Болезненные напоминания о том, что я потеряла в Осень Ужаса.

Не обращая внимания на шипение пара в открытой трубе, я сосредоточилась на дяде Джонатане. Он, закатав рукава сорочки, мыл руки карболовым мылом. Когда он закончил, я рассыпала вокруг стола опилки, чтобы они впитали кровь или другие жидкости, которые могли натечь на пол. Ритуалы – необходимая часть нашей работы. Дядя утверждал, что

они помогают сохранять ясность ума и сердца.

– Прежде чем извлечь ножи, я хочу записать ее физические данные. – Тон дяди был таким же ледяным, как и металлические скальпели, которые я разложила на подносе. – Рост, вес и тому подобное. Одри Роуз, мне понадобится…

Я подала ему фартук и завязала собственный. Я не успела переодеться, и соседство тонкого шелкового платья с простым фартуком напомнило о непредсказуемости жизни. Сомневаюсь, что, проснувшись утром, мисс Прескотт ожидала, что уже вечером будет лежать лицом вниз на столе, утыканная ножами от основания черепа почти до копчика.

Томас взял блокнот и решительно кивнул мне. Мы прекрасно владели своими зловещими ролями, исполняли их много раз и в разных странах. Казалось, куда бы мы ни поехали, смерть следовала по пятам, а мы, подобно алчным скрягам, накапливали опыт, в некотором роде наживаясь на утратах. Я озвучиваю результаты исследования, а он их записывает – команда во всех отношениях.

Я порылась в кожаной медицинской сумке дяди в поисках сантиметровой ленты и измерила труп от макушки до пяток, как меня учили. От выполнения привычных действий разум прояснился. Сейчас не время размышлять обо всем, к чему стремилась мисс Прескотт при жизни. Нужно осмотреть ее труп в поисках улик. Я не верила в месть, но не желать торжества справедливости для убитой было непросто.

– Покойная женского пола, мисс Оливия Прескотт, рост

приблизительно сто шестьдесят пять сантиметров, возраст восемнадцать лет, – сказала я и сделала паузу, чтобы Томас успел записать. Он поднял голову, давая мне знак продолжать. – Вес, предположительно, около семи с половиной стоунов.

– Хорошо. – Дядя выложил в ряд скальпели, пилы для костей и ножницы, которые потребуются для внутреннего осмотра. – Причина смерти.

Я оторвала взгляд от трупа.

– Прошу прощения, сэр, но у нее из спины торчит десять ножей. Разве причина смерти не очевидна? Уверена, что хотя бы один, а то и больше либо проткнули ее сердце или легкие, либо перерезали позвоночный ствол.

Дядя перевел на меня проницательный взгляд своих зеленых глаз, и я поборола желание съежиться. Я забыла важный урок.

– Мы, криминалисты, не можем исключать другие пути для исследования. Чему я тебя учил? Верь только тому, что видишь.

Это было не самое суровое замечание, но мое лицо все равно запылало.

– Вы правы… полагаю… возможно, ножи были отравлены. Или мисс Прескотт убили иным способом, а ножи служили отвлекающей уловкой. Она действительно скончалась довольно быстро и тихо.

– Очень хорошо. – Дядя кивнул. – Во время вскрытия мы

обязаны держать в узде свои эмоции и теории. Иначе рискуем повлиять на результаты. Или расстроиться настолько, что доведем себя до истерики, как твоя тетя Амелия.

Дядя прикрыл глаза, и мне показалось, что он не хотел говорить о ней.

– Тетя Амелия? – нахмурилась я. – Что ее расстроило? С папой все в порядке?

После моего вопроса повисла долгая пауза, дядя как будто с трудом подбирал слова. Я стиснула сантиметровую ленту, зная, что если он так долго формулирует ответ, то это не к добру. Наконец он взглянул на Томаса, поджав губы, как будто сомневаясь, стоит ли его второму ученику слышать то, что он должен сказать, и вздохнул.

– Похоже, Лиза пропала.

– Пропала? Этого не может быть. – Пронзительный звон в голове вернулся. Я на нетвердых ногах отошла от трупа, иначе упала бы в обморок прямо на него. – Я только на прошлой неделе получила от нее письмо. – Я сжала губы, пытаясь вспомнить, каким числом датировалось письмо кузины, и не смогла. Но в нем не было ничего необычного. Она была счастлива, тайком встречалась с молодым человеком. В невинном флирте нет ничего страшного. – Тетя Амелия наверняка преувеличивает. Наверное, Лиза сбежала с…

Я не видела, как Томас встал, но он поймал мой взгляд на расстоянии. Если Лиза сбежала с юношей, о котором писала в последний раз, это станет сокрушительным ударом для

нашей семьи и репутации. Не удивительно, что дядя не решался говорить при Томасе.

Дядя потер виски.

– Боюсь, новость пришла от твоего отца. Амелия сама не своя от горя и уже больше недели не покидает свои покои. Однажды днем Лиза ушла и не вернулась. Твой отец беспокоится, что она может быть мертва.

– Мертва? Она не…

Желудок камнем ухнул вниз. То ли из-за морской качки, то ли из-за тревожной новости, но меня затошнило. Не сказав ни слова, я выбежала из помещения, боясь увидеть в дядиных глазах разочарование от того, что позволила эмоциям взять над собой верх.

* * *

Кутаясь в плащ, я стояла на зябкой прогулочной палубе и следила за тем, как солнце клонится к горизонту, окрашивая темные бурные волны в цвет запекшейся крови. Размеренный плеск волн о борт судна походил на зов сирены, заманивающей жертвы обещаниями, что все будет хорошо, нужно только поверить и войти в ее подводное царство.

– Во что ты ввязалась на этот раз, кузина? – вздохнула я.

Облачко теплого пара смешалось с холодным морским туманом. Ответом мне были только бьющие в борт волны, беспокойные и неугомонные, отчаянно пытавшиеся отогнать

нас обратно в Англию. Где у меня был шанс – пусть и призрачный – отыскать Лизу.

Как быстро мечты превратились в кошмары.

Несмотря на очевидные факты, я отказывалась смириться с тем, что застряла в море, и не в силах помочь близким. В голове не укладывалось, что отец позволил мне покинуть Англию, не сказав о пропаже кузины. Я ошибалась, думая, что мы оставили позади чрезмерную опеку, когда он разрешил мне изучать судебную медицину в Румынии. Мне казалось, будто я уже подвела мисс Прескотт, хотя тут ни в чем не было моей вины. А теперь Лиза…

– Больше я не ошибусь, – поклялась я вслух.

Единственная грань, которую я никогда не перейду, это убийство. Лишив человека жизни, я буду не лучше убийц, с которыми надеялась бороться. Жестокий голос в моей голове прошептал, что на самом деле я не смогла остановить ни одного.

Я просто извлекала подсказки из крови и костей, пытаясь найти разгадку, прежде чем к бесконечной серии добавятся еще трупы.

Чтобы уничтожить убийцу по-настоящему, нужно стать им.

Я смотрела на спасательные шлюпки вдоль стены, раздумывая, достаточно ли у меня сил, чтобы снять одну и добраться на веслах до Англии. Я стиснула зубы и повернулась к воде. От соли и морского тумана защипало в носу, водяная

пыль висела в холодном воздухе и оседала на лице. Это пробудило меня от бессмысленных видений.

Позади распахнулась дверь, и в проеме показалась мужская фигура, облитая золотистым светом. Гомон обслуги, убиравшей последствия ужасного представления, только подчеркивал тишину. Лицо мужчины скрывалось в тени, но, судя по невольному трепету у меня в груди, это был Томас.

Пока он шел к поручням, возле которых я стояла, стала заметна торчавшая из кармана его пальто телеграмма. Интересно, это от моего отца? Он, что, отправил весточку всем на борту, кроме меня? Если кто-то причинил вред Лизе, я его убью. Медленно.

Я чуть не улыбнулась, осознав, что подобная мысль меня ни капли не тревожит.

– Если бы я не знал тебя, дорогая Уодсворт, – поддразнил Томас, его обычный способ отвлечь меня от мрачных мыслей, – то решил бы, что ты готова организовать собственный побег. Не побыть твоим ассистентом? – Слегка нахмурившись, он оглядел себя. – Я оставил свой расшитый блестками сюртук в Лондоне, а этот простоват. Не очень-то похоже на «карнавальный шик».

– Вообще-то я размышляла об убийстве.

– Надеюсь, не о моем. – Он облокотился на поручни и искоса взглянул на меня. – Хотя я весьма красив в этом костюме. Полагаю, если пришло время умирать, я с тем же успехом могу умереть стильно. Только не повреди лицо. Хочу,

чтобы на моих похоронах ты теряла сознание от горя и моей красоты.

Я чуть не застонала.

– Учитывая последние события, это бестактно. – Он вздохнул, и я пихнула его локтем. – Но несмотря на твои недостатки, Кресуэлл, я все равно выбираю тебя.

– Из-за моего остроумия, да? – Томас повернулся ко мне с робкой улыбкой. – Ты не можешь без него. Честно, я удивлен, что ты не сообщила дяде о своих притязаниях на меня. Мне казалось, ты с удовольствием поделишься такой новостью.

В его глазах застыл вопрос, но я притворилась, что ничего не заметила, и быстро повернулась к океану. Звезды сегодня светили ярко, мерцая над волнами. Это напомнило мне картину, которую Томас нарисовал мне неделю назад: орхидея, в лепестках которой заключалась целая вселенная. Меня поражало, что мир продолжает вращаться, несмотря на учиненные разрушения. Как себя чувствует миссис Прескотт? Ей налили бренди и теперь она дрейфует между снами и кошмарами?

Возможно, мне следует к ней присоединиться.

Я ощущала, что Томас меня рассматривает, но больше не испытывала потребности скрывать выражение своего лица, как раньше. Он открыл рот и тут же закрыл, заставляя меня гадать, что же он собирался сказать. Возможно, его утомил один и тот же спор. Я не хотела никому рассказывать о нашей

предстоящей помолвке, не поговорив сначала с отцом. Томас видел в этом мою неуверенность, но я начисто отказывалась признавать такую глупость. Как бы сильно я ни хотела помолвки, нам просто не хватило времени навестить отца и сообщить ему о своих намерениях, ведь мы торопились на корабль. Я всей душой хотела быть с Томасом. Навсегда. Я думала, после всего, что мы пережили за последний месяц, он это знает.

В следующее мгновение он обнял меня за плечи и притянул ближе. Он ничем не рисковал, ведь мы были одни на ледяной палубе. Я расслабилась в его объятиях, позволяя теплу его тела и аромату одеколона успокоить меня.

– Одри Роуз, я не могу обещать, что все будет хорошо.

Я громко выдохнула.

– Томас, сейчас один из тех случаев, когда можно и соврать. Я прекрасно понимаю, насколько все ужасно, но хочу притвориться, что это не так. Хотя бы на несколько секунд.

– Хорошо, – ответил он, задумавшись о чем-то своем. – Я хотел сказать, что буду рядом, что бы ни случилось. В итоге ты, без сомнения, окажешься героиней, но я буду хорошо смотреться рядом с тобой. И это все, что действительно имеет значение.

– Честно?

Он отстранился, прикинувшись оскорбленным.

– Не можешь же ты заполучить всю славу. И красавица, и героиня? Сейчас один из тех случаев, когда можно и соврать,

Уодсворт.

– Ты совсем…

Его губы коснулись моих, и я забыла все тревоги, чего он, собственно, и добивался. Поначалу поцелуй был осторожным и нежным, отвлекающим и обнадеживающим, но скоро стал более глубоким и страстным. Я обвила руками шею Томаса, притягивая его ближе, потерявшись в ритмах моря и нашего поцелуя. Даже в самую холодную ночь он мог зажечь во мне огонь. Я боялась, что однажды пламя поглотит меня полностью.

Томас отстранился. Слишком быстро. В такие моменты я думала, что он прав: мы должны объявить о своих намерениях и немедленно пожениться. Тогда я смогу целовать его, когда захочу.

– Можно сказать то, что я не должен говорить? – спросил он серьезным тоном.

Я набрала побольше воздуха. Если он сам не уверен, значит, мне наверняка не понравятся его слова.

– Мы обещали не лгать друг другу.

– Хорошо. Факты таковы. – Он снова внимательно посмотрел на меня, со сдержанным, но доброжелательным выражением на лице. – Отсюда ты ничего не можешь сделать для Лизы. Мы можем заняться организацией возвращения в Лондон, как только доберемся до Америки, но пока что имеем вполне реального убийцу на борту. Возможно, это одиночный случай, но я так не думаю.

По рукам побежали мурашки. Дедукция Томаса никогда не подводила. Если он считает, что будут еще убийства, только вопрос времени, когда мы найдем следующие трупы.

– Что ты предлагаешь? – спросила я, растирая предплечья.

– Я рад, что ты спросила. Я довольно много думал об этом.

– И?

– Я за то, чтобы остаток недели прятаться в твоей каюте. – Его губы дрогнули в улыбке, и я подняла бровь. – Пить, целоваться, предаваться разврату до прибытия в Нью-Йорк. – Он мечтательно вздохнул. – Ты должна признать, мы будем недостижимы для убийцы. Безумно счастливы. И оба эти варианта лучше, чем стоять над трупами.

Я закатила глаза.

– Или мы можем закончить вскрытие и посмотреть, что найдем.

– Менее приятный, но более мужественный выбор, Уодсворт, как всегда. Однако твой дядя по просьбе капитана продолжит вскрытие завтра. – Он выдохнул, хотя в глазах мелькнуло беспокойство. – Мне поручено проводить тебя в кровать, трудная работа, но уверяю тебя, я отнесусь к ней со всей серьезностью.

Я покачала головой. Томас вытащил меня из пучины тревог и вернул мне самообладание… заодно умудрившись украсть поцелуй. И когда мы, держась за руки, шли по палубе, я не могла сказать, что его метод мне не по душе.

Глава 3. Туз треф

Каюта Одри Роуз
Королевский почтовый пароход «Этрурия»
1 января 1889 года

Горничная молча заплела мне косы и помогла облачиться в хлопковую ночную рубашку с кружевными оборками на рукавах. Большинство пассажиров верили, что убийство мисс Прескотт было хорошо подготовленным спектаклем, но большая часть команды парохода, похоже, затаив дыхание, ждала, не разразится ли вскоре еще один кошмар.

Когда горничная ушла, я устало вздохнула и огляделась. Мои апартаменты были роскошно обставлены: мраморная прикроватная тумбочка, резной туалетный столик, небольшой стол с креслами и платяной шкаф, который со всеми золотыми украшениями удовлетворил бы и короля Людовика. Однако огромные болты и сталь вокруг маленького иллюминатора выдавали правду о том, где я нахожусь. Несмотря на роскошную облицовку, сквозь трещины тянуло холодом.

Шикарный лайнер был всего лишь плавучей тюрьмой.

Я натянула толстые чулки и легла в постель, зная, что роящиеся в голове мысли не дадут заснуть. Я взяла трефового туза, который был приколот к телу мисс Прескотт, и рассмотрела его. Как он связан с убийством? Я поразмышля-

ла над несколькими версиями, и самая перспективная имела отношение к фокусам.

Раньше я особенно не задумывалась о ловкости рук, хотя видела в Лондоне уличных фокусников, которые крутили карты между пальцами. Должно быть, они тренировались много часов, чтобы добиться такой плавности движений, что неподготовленный взгляд не мог уловить жульничества. То же можно сказать и про искусного убийцу.

Преступники обладают собственным видом ловкости рук. Убийцы стараются фальсифицировать места преступлений, изменять их, чтобы скрыть себя и свои подлинные намерения. Дар Мефистофеля вводить в заблуждение базируется на действительности, а не на магии. Он заставляет людей смотреть в одну сторону, тогда как они должны бы были обратить внимание на прямо противоположную. Если бы в момент убийства мисс Прескотт он не находился на сцене, то был бы самым вероятным виновником.

С колотящимся сердцем я села, наконец осознав причину своего пристального внимания к молодому артисту. Я хотела научиться его особенным умениям: было бы очень полезно задействовать эту часть моего мозга, ставя себя на место психов и убийц. На краю сознания крутилась какая-то смутная, далекая идея, которую почти невозможно осуществить. Если я смогу ввести в заблуждение Томаса Кресуэлла, заставить его поверить в невозможное – что мои чувства изменились, – тогда я точно пойму, что стала специалистом в этом

искусстве…

Отбросив этот план, я удобно расположилась на подушках и перевернула трефового туза, пытаясь понять его значение. Он был разрезан по центру и запачкан засохшей кровью, но на обратной стороне оказался очень интересный рисунок. Чернильно-черный ворон с раскрытыми крыльями на фоне серебряной луны. По краям карты жирными черными штрихами замысловато извивались лозы и тернии. Сверху и снизу по центру была изображена внахлест странная двойная восьмерка, положенная на бок.

Я старалась не прикасаться к месту, где карту прорезал нож, все еще не веря, что мисс Прескотт была убита прямо передо мной, а я ничего не заметила. Если бы только дядя не…

В дверь, смежную с каютой моей компаньонки, тихо постучали, оторвав меня от размышлений. Я вскочила, положила карту на тумбочку и закуталась в вышитый светло-лиловый халат. Я тут же покрылась мурашками, но не от страха. К моей коже, не прикрытой ночной рубашкой, прикоснулся холодный и гладкий, как жидкость, муаровый шелк.

– Войдите.

– Это всего лишь я, дорогая. – Миссис Харви открыла дверь, удерживая на широком бедре маленький поднос с чаем. – Подумала, что вам не помешает что-нибудь горячее. Я также захватила свой тоник для путешествующих на случай, если вам захочется чего-то более согревающего.

Я улыбнулась, припоминая хитрые названия, которые она давала своим напиткам, когда мы ехали в Румынию в прошлом месяце. Ее гравированная фляжка покачивалась на подносе. До меня долетел резкий запах алкоголя, и я решила, что это действительно быстро меня согреет. И, возможно, попутно прожжет дыру в моем желудке.

– Спасибо, чая пока достаточно.

Я хотела было сесть с ней за маленький столик, но миссис Харви остановила меня, строго покачав головой. Налив чаю, опять уложила меня в постель и сунула в руки чашку, от которой исходил пар. Воздух тут же наполнили ароматы бергамота и розы, и я сразу расслабилась.

– Спасибо.

– Ну-ну, дитя. – Она плюхнулась рядом со мной и сделала большой глоток своего тоника. – Не благодарите. Просто мне самой нужна была компания, чтобы тоник для путешествующих легче пился.

Ее взгляд скользнул по карте на тумбочке.

– Богатство.

– Прошу прощения? – спросила я. Не набралась ли она уже своего тоника?

– Мой муж в молодости баловался гаданием – читал судьбу по игральным картам. Так мы и познакомились. – На ее лице появилось ностальгическое выражение. – Выходило у него отвратительно, да покоится его душа с миром. Хотя в других областях он был довольно талантлив.

– Как вам путешествие? – поинтересовалась я, быстро меняя тему. Мне не хотелось знать, какие таланты она припоминает с таким мечтательным видом. – Сегодня был насыщенный день.

– Не знаю, как у вас с Томасом получается делать то, что вы делаете, и не терять головы, – сказала она, возвращаясь в настоящее, – но я горжусь вами обоими. Знаете, вы прекрасная пара. Как в обучении, так и в остальном. Томас уже выразил свои намерения?

Я ткнулась лицом в чашку, надеясь, что пар можно выставить виновником моего румянца.

– Да… ну… то есть, я думаю, он хочет поговорить с моим отцом.

– Он не очень-то соблюдает приличия. Помоги ему Бог, ему еще следует хорошенько поучиться манерам, но сердце у него доброе. – Миссис Харви сделала еще глоток и посмотрела на меня поверх очков. – Вы сделаете его очень счастливым, Одри Роуз. Но, что важнее, я считаю, что он тоже сделает вас очень счастливой.

Она вытерла уголок глаза.

– Это неприлично… но… вот.

Ничего больше не говоря, она протянула сложенную записку. Ни имени, ни конверта. Я быстро подняла голову.

– Что это?

Миссис Харви, которая взяла свою фляжку и шла к двери, пожала плечами.

– Не имею ни малейшего понятия, о чем вы, дорогая. Я просто старая женщина, пришла пожелать доброй ночи. Я сплю как убитая, так что вам придется кричать, если я понадоблюсь. Я совершенно уверена, что не услышу, если ваша дверь откроется и закроется.

Подмигнув, она закрыла дверь между нашими каютами, оставив меня с разинутым ртом. Ясно, что ухаживания Томаса на протяжении последнего месяца не были для нее таким уж секретом. Не задумываясь над тем, каким образом он уговорил ее принять участие в этом новом плане, я развернула бумажку. Короткое послание аккуратным почерком. Интересно, от кого?

«Пожалуйста, умоляю встретиться на носу корабля у правого борта в полночь. Приходите одна».

От предложения, содержащегося в одной короткой строчке, мой пульс участился. Не впервые Томас назначает свидание в такой неприличный час. Без дуэньи. Однако на этот раз мы не в почти безлюдной закрытой школе в Румынии, вдали от любопытных глаз. Если нас застанут наедине здесь, среди высшего общества, меня сочтут распутницей и тогда моя репутация будет погублена. С другой стороны, возможно, у Томаса возникла новая версия или обнаружилась еще одна улика, которая поможет раскрыть убийство мисс Прескотт. Мое извращенное любопытство забурлило.

Прикусив губу, я еще мгновение смотрела на записку, удивленная тем, что Томас кому-то поручил передать такое личное послание. Я могла сделать вид, что не получила его. Поступить благовоспитанно и прилично, как должна. Но это был в высшей степени скучный путь. Я подумала о губах Томаса, представила, как его руки запутываются в моих темных волосах, а наше дыхание переходит в короткие вздохи, когда его руки медленно путешествуют по моему телу, исследуя и дразня.

Прилично это или нет, но я жаждала его прикосновений.

Я бросила взгляд на маленькие часы, тикавшие на тумбочке. Почти полночь. Я посмотрела на свой халат и отороченную кружевами ночную рубашку. Оборки на рукавах закрывали пальцы. Мне не хватит времени переодеться и незамеченной добежать до правого борта. Однако если я в таком виде попадусь на глаза какому-нибудь пассажиру, вышедшему на ночную прогулку, его может удар хватить. Возможно, в том и заключается извращенный план Томаса.

– Вот плут.

Я улыбнулась, накинула пальто, для безопасности прихватила скальпель из медицинской сумки и, надеясь на удачу, выскользнула за дверь.

* * *

Днем «Этрурия», со всеми своими массивными мачтами и

дымовыми трубами, производила впечатление чего-то грандиозного и легкомысленного одновременно. Деревянные полы были отполированы так, что солнечные лучи отражались в них, как в бриллиантах, а крыша над прогулочной палубой прекрасно дополняла начищенный до блеска коридор первого класса.

Ночью те же самые особенности казались призрачными и опасными. Навес походил на разинутую пасть, готовую проглотить пассажиров; сияющие полы теперь напоминали слюнявый язык. Закрепленные на стенах спасательные шлюпки на самом деле были не оригинальными декорациями, а идеальными местами, где можно спрятаться. Огромные паруса хлопали, как крылья гигантского морского существа, охотящегося за свежим мясом. Дым из труб стелился вдоль ограждения, подкарауливая неосторожных. В темноте могло притаиться что угодно. Точнее, кто угодно.

– Глупости, – прошептала я.

Я плотнее запахнула отороченное мехом пальто, ледяные пальцы проскользили по коже. Если бы не убийство мисс Прескотт, то превращение судна в огромное чудовище могло бы быть лишь плодом моего слишком живого воображения. В тенях действительно может скрываться что-то, что планирует вонзить мне в спину когти. Я решила, что морские путешествия мне совсем не по душе.

На будущее Томасу следует выбирать для тайных свиданий более подходящие места. Предпочтительно в помеще-

ниях, у огня, вдали от пустынных коридоров и бурных волн. Стуча зубами, я поспешила по прогулочной палубе, озираясь в поисках всего, что казалось подозрительным, хотя это было трудно определить наверняка. Я еще никогда не путешествовала на таких судах.

Ветер с низким предостерегающим воем проносился по коридору. Канаты скрипели. Каждый новый звук был как игла, пронзающая мои вены. Я крепко прижимала к боку скальпель, не желая ударить кого-нибудь по ошибке. Нужно держать эмоции при себе, иначе кто-нибудь пострадает. Я хотела поцеловать Томаса, а не нечаянно выпотрошить.

Приблизившись к носу корабля, я замедлила шаг. Моего будущего жениха видно не было, но наверняка он уже где-то поблизости. Я пристально осмотрела скамейки и складные деревянные кресла, привинченные к полу. В облачной ночи трудно разглядеть что-либо, кроме силуэтов. Тусклые фонари, выстроившиеся вдоль прогулочной палубы, были либо выключены, либо их свет сюда не доставал. Я сглотнула, прогоняя страх. Меня никто не преследует.

– Томас? – прошептала я, медленно двигаясь к носу парохода.

Ветер в этой части судна был безжалостным. Я прижала подбородок к груди, хотя это не очень-то помогло. Если Томас в ближайшее время не появится, я…

Навстречу вышел темный силуэт. У меня заколотилось сердце.

– Кресуэлл, обязательно было выбирать для свидания такое мрачное место?

Я стояла, дрожа. Он остановился в нескольких футах от меня. Я так и закатила глаза, когда он пристально осмотрел меня, а затем огляделся вокруг. Он не сделал ко мне ни шага, и во мне вскипело раздражение. Пробираясь по холодному кораблю, я представляла совсем не такую встречу.

– Ну? Хочешь, чтобы я простудилась до смерти? Какая была необходимость встречаться здесь в такой час? У тебя есть новости о мисс Прескотт?

Он склонил голову набок, размышляя. И тут я заметила, что свет, упавший ему на лицо, слегка отразился. Как будто часть лица закрыта… Я ахнула.

– Простите, что разочаровал вас, мисс, но я не Кресуэлл. – Мефистофель нерешительно шагнул ко мне. – Хотя я заинтригован тем, что юная леди вашего положения согласилась на такую встречу без сопровождения.

Я замахнулась скальпелем, проклиная трясущиеся руки. Не хотела, чтобы он думал, будто я дрожу от страха.

– Ч-что вы хотите? – выдавила я.

Клянусь, ветер покорялся его воле, завывал и свистел, проникая в каждую складку моей одежды и пронизывая насквозь. Мефистофель шел ко мне, его плащ хлопал за спиной. Хоть я в такое и не верю, но в тот момент мне показалось, что он на самом деле наследник дьявола, как утверждал судья Прескотт.

– С-стойте. Или, клянусь, я п-перережу вам артерию. Сэр, я точно знаю, где с-самые уязвимые места.

Не знаю, чего я ожидала, но не удивленного смешка. Он снял плащ, медленно, чтобы я не испугалась и не бросилась на него со скальпелем.

– Вопреки тому, что вы, наверное, думаете обо мне, я не люблю смотреть, как погибают молодые женщины. Прошу вас. – Он протянул мне плащ. – Возьмите. Он из ангорской шерсти. Ручаюсь, вы не найдете более теплой и мягкой одежды.

Стиснув зубы, чтобы не стучали, я смотрела на плащ. Не хотелось принимать никакой помощи от этого нечестивого молодого человека. Он медленно усмехнулся.

– Ладно. Я повешу его на кресло, а вы возьмете сами. – Он аккуратно положил плащ и отступил, насмешливо кланяясь. – Ваш плащ ждет, прекрасная леди.

– Ч-что вы хотите? – повторила я, держа свое оружие наготове.

Он просто скрестил на груди руки и многозначительно уставился на плащ. Громко вздохнув, я взяла его и с трудом устояла перед искушением зарыться щекой в пушистую шерсть. В одно мгновение мое тело охватило тепло и дрожь унялась. Мефистофель улыбнулся, и я опять махнула скальпелем, стирая с его лица самодовольную ухмылку.

– Ответьте на мой вопрос или я уйду.

Он разложил ближайшее кресло и уселся, закинув ногу на

ногу. Если ему и было холодно, оставшись на завывающем ветру в одном алом сюртуке, он не показывал виду. Может, он не совсем человек. Это объяснило бы непостижимый, на первый взгляд, талант в магических трюках. Я впервые обратила внимание на его перчатки – на тыльной стороне обеих были вышиты полумесяцы, а на пальцах звезды. Изысканные перчатки.

– У меня к вам предложение.

Я начала качать головой, но он поднял руку.

– Я ожидаю, что эта сделка будет очень выгодной. Я видел, как вы наблюдали за неприятным инцидентом сегодня вечером. Когда другие паниковали, вы были расчетливы и спокойны. Вы искали улики и детали. Мне нужны оба эти умения.

– Разумеется, это неприятный инцидент – десяток ножей в спине, – холодно ответила я. – У вас потрясающий талант – говорить об убийстве молодой женщины так, будто в этом нет ничего ужасного, просто досадная неудача. И затем пытаться использовать это для собственной выгоды. Вы отвратительны.

Он пристально смотрел на меня.

– Выговаривайте мне, если хотите, но факт остается фактом: это неприятный инцидент. Если бы я прослезился, вам бы полегчало?

У меня возникло впечатление, что его вопрос был искренним, словно он с удовольствием попрактиковался бы в своем

артистическом мастерстве.

– С меня довольно шалостей на этот вечер. Если позволите, я…

– Я пришел предложить обучение в обмен на ваше содействие. Основываясь на любознательности, которую вы проявили во время шоу, я подумал, что вы не против поучиться ловкости рук. Я хочу сохранить нечто очень мне дорогое. Вы можете мне в этом помочь.

– Сэр, у меня нет никакого желания учиться фокусам.

Он бросил на меня взгляд, означавший, что я ужасная лгунья.

– Вы не найдете лучшего учителя.

– Зато могу найти не такого высокомерного. – Я заставила себя дышать. Не магии я желала научиться, но он был близок к правде, которую я предпочла бы скрыть. – Как бы то ни было, сэр, вынуждена с прискорбием вам сообщить, что не верю в такую чепуху, как магия. Я ученый. Не оскорбляйте меня вашими дешевыми театральными эффектами. Если бы ваши шарлатанские предсказания работали, вы бы знали, что напрасно стараетесь.

– «Дешевые театральные эффекты»?

Он вскочил с кресла и сделал ко мне несколько шагов. Я не двинулась с места, глядя, как он медленно протягивает руку и вдруг словно бы из воздуха выхватывает карту.

– Магия – это наука. Просто более замысловатый термин, чтобы показать людям, как невероятное становится возмож-

ным.

Я с бешено бьющимся сердцем смотрела на карту, на то, как Мефистофель крутит ее между пальцами. В слабом свете я не могла определить, но, кажется, она была похожа на необычную карту, приколотую к телу мисс Прескотт. У меня возникло желание опять занести скальпель, но я не хотела выдавать перемен в своем настроении. Либо Мефистофель виновен в смерти мисс Прескотт, либо кто-то имеет доступ к его картам. Поскольку он находился на сцене, последнее предположение более вероятно.

Он присмотрелся ко мне внимательнее. Сейчас нас не разделяла сцена, и я сразу заметила печать ума на его лице.

– Очарование ловкости рук вы тоже отрицаете? Интересуетесь только одним видом науки или же хотите расширить свои познания?

– Не вы ли настойчиво предупреждали не заключать с вами полночных сделок? Вопреки тому, что вы, наверное, думаете… – Я выплюнула его же прежние слова. – Меня не одурачить. А теперь прошу меня извинить, уже поздно, и вы попусту тратите время. Доброй ночи, сэр.

Я прошла мимо него, не оглянувшись, когда он окликнул:

– Наша сделка ждет, когда вы ее заключите. Сдается мне, вы скоро передумаете. И вообще, убийство – это еще один вид ловкости рук, разве нет?

Я понадеялась, что он не заметил, как я споткнулась, проходя по темной прогулочной палубе, стараясь не обращать

внимания на пробежавший по спине холод. Убийство было еще одним видом ловкости рук. И если его виновник достаточно талантлив, он избежит наказания.

Глава 4. Запутанная паутина

Каюта Прескоттов
Королевский почтовый пароход «Этрурия»
2 января 1889 года

Я возилась с перламутровыми пуговками своих перчаток, а дядя уже стучал в каюту судьи. Голоса внутри стали громче, но спорить не перестали. Дядя немного подождал и постучал еще раз. Он встал раньше меня и самостоятельно закончил вскрытие мисс Прескотт, не оставив мне возможности отвлечься от мыслей о прошедших сутках.

Я безучастно таращилась на окружавшие дверь болты. Я плохо спала ночью, все время металась и ворочалась в постели, думала, что сойду с ума. Помимо странной полночной сделки с Мефистофелем и убийства мисс Прескотт меня не отпускала тревога за Лизу. Мне хотелось умолять капитана Норвуда развернуть пароход и вернуться в Англию. Вместо этого приходилось терпеть один скверный день за другим. Терпение – отвратительная добродетель.

– Ты слышала хоть что-то из того, что я сказал? – Томас помахал ладонью у меня перед глазами, приподняв уголок губ. – Я в восторге, когда ты так делаешь.

– Как? Думаю? – Я оттолкнула его руку. – Извини.

– Не извиняйся, – усмехнулся он. – Ты же знаешь, я не

возражаю, когда ты мечтаешь обо мне.

Дядя обернулся к нам.

– Вы двое, можете хотя бы пять минут вести себя как полагается?

– Я ничего не сделала! – Я подняла руки. – Моя единственная вина в том, что я думала об убийстве. Миссис Харви говорила про гадание на картах. Возможно, это стоит расследовать.

Дядя пробормотал что-то грубое и постучал еще раз. Томас встал передо мной и произнес одними губами:

– И в том, что представляла меня без одежды?

Я не успела показать ему не достойный леди жест, потому что дверь распахнулась. С лица моего друга моментально пропала дразнящая улыбка, сменившись хладнокровной расчетливостью, которая всегда появлялась у него при наблюдении за людьми. Я ожидала увидеть судью Прескотта, но нас поприветствовал лысеющий мужчина ниже ростом и более полный.

– Добрый день, джентльмены, – сказал он совершенно неискренне. – И юная леди. Чем могу помочь?

– Я доктор Джонатан Уодсворт из Лондона, а это мои ученики, мистер Томас Кресуэлл и мисс Одри Роуз Уодсворт. Мы пришли к мистеру Прескотту, – ответил дядя. – Нам нужно задать ему несколько вопросов о днях, предшествовавших убийству его дочери. Это займет всего несколько минут.

Тучный мужчина расправил плечи и попытался посмотреть свысока, но дядя был намного выше.

– Боюсь, сейчас это невозможно. Я дал ему тоник, чтобы успокоить нервы. – Он протянул мясистую ладонь. – Я доктор Филип Арден.

Мы с Томасом удивленно переглянулись. Обычно джентльменам не давали эликсиры от нервов, дурацкое общественное мнение гласило, что мужчины не настолько эмоциональны, но меня больше беспокоила откровенная ложь. Мы только что слышали, как за дверью спорили двое мужчин.

Дядя кивнул.

– Нам помогут любые сведения, которыми располагает мистер Прескотт, даже в его нынешнем состоянии.

– Боюсь, я вынужден настаивать, чтобы вы пришли в другое время, – сказал доктор Арден, медленно закрывая перед нами дверь. – Прескоттам нужно время осмыслить внезапную смерть единственной дочери. Вы наверняка понимаете, что нужно проявить такт?

Я прикусила язык. Мне хотелось сказать, что я не понимаю, сурово напомнить о важности выявления любых улик, пока они не стерлись из памяти. Однако я понимала, что в сложившихся обстоятельствах это будет звучать грубо. Их единственную дочь жестоко убили у них на глазах. Если им нужно дать время оплакать ее, это самое меньшее, что мы можем для них сделать.

Дальше по коридору приоткрылась дверь, но никто не вышел. Я поймала взгляд Томаса и мотнула головой в ту сторону. Он шагнул к той каюте и остановился, утвердительно кивнув. Кто-то подслушивал. Я вернулась к разговору дяди и доктора Ардена, надеясь, что они быстро закончат.

– Хорошо, – уступил дядя. – Пожалуйста, передайте, что я заходил. Я навещу их еще раз вечером.

Я присела в вежливом реверансе, но прежде чем доктор Арден приподнял шляпу, уже быстро шла по коридору. Только я собралась постучаться, как заметила миссис Прескотт. Она безучастно смотрела перед собой покрасневшими от слез глазами.

– Миссис Прескотт… – Я медленно встала перед ней. – Хотите, я схожу за…

– Я говорила ему, что нам не следует принимать предложение, – сказала она, глядя на океан. – Это его гордыня погубила ее.

Я почувствовала за спиной присутствие дяди и Томаса и подняла руку, чтобы они остановились.

– Что за предложение вам не понравилось? Вы получили его до того, как поднялись на судно?

Она моргнула, словно только сейчас поняла, что говорила не в пустоту.

– Письмо. Мы получили приглашение. И Ардены тоже. – Она невесело рассмеялась. – «Почетный гость». Роберту нравится верить в собственную значимость, в то, что его

мнение важно. Он ни за что не пропустил бы возможность произвести впечатление. Тщеславие – грех.

– Мистер Прескотт знает, кто отправил письмо? – надавила я. – Можно взглянуть?

По щеке миссис Прескотт скатилась слеза. Затем вторая. Она повернулась ко мне, ее эмоции пронзали до самого сердца.

– Что это даст? Моей Оливии больше нет.

Томас переступал с ноги на ногу. Он напомнил мне гончую, которая взяла след и собирается идти по нему любой ценой. Я потянулась остановить его, но он аккуратно уклонился.

– Миссис Прескотт, можно я скажу? – спросил он. Я закрыла глаза. Томас обладал многими поразительными качествами, но тактичность к ним не относилась. – Вы перенесли трагедию, которую большинство людей не могут ни представить, ни пережить. И тем не менее вы стоите, дышите, живете. Это самое трудное. Люди часто восхищаются физической силой, но я уверен, что человека характеризуют те простые действия, которые он совершает после трагедии. Нет большей демонстрации силы, чем продолжать жить, когда хочется только лечь и умереть. Ваша сила и признание нужны сейчас, чтобы помочь нам поймать того, кто сделал это с вашей дочерью. Мисс Оливии больше нет, но ваши дальнейшие действия помогут добиться справедливости, которую она заслуживает.

Я сморгнула выступившие слезы, потеряв дар речи. Миссис Прескотт казалась такой же ошарашенной, но быстро оправилась и исчезла в каюте. Я стояла, открыв рот, я совершенно не знала такого Томаса Кресуэлла. Он сверкнул улыбкой.

– Жизнь полна сюрпризов, помнишь, Уодсворт?

– Это точно.

Я не могла представить будущего без возможности познать все его секреты. Наконец миссис Прескотт вернулась к нам.

– Вот, – всхлипнула она. – Ради Оливии.

Томас аккуратно взял письмо и прижал его к груди.

– Миссис Прескотт, мы найдем тех, кто это сделал. И они обязательно заплатят.

Я резко взглянула на него. От его тона моя кожа покрылась мурашками. Я не сомневалась, что он бросит на расследование этого дела все силы.

Миссис Прескотт тяжело сглотнула.

– Прошу прощения, мне нужно снова лечь.

Мы попрощались и пошли дальше по прогулочной палубе. С непроницаемым видом дядя взглянул на нас. Подумал ли он о тете Амелии, беспокоился ли, что она может быть в таком же ужасном состоянии и сходить с ума из-за пропажи Лизы? Как правило в нашу задачу входило лишь вскрытие трупов и поиск улик в останках. Разговаривать со скорбящими было намного труднее. Почти невозможно отклю-

чить эмоции и отгородиться от страшной работы, которую необходимо выполнить.

Когда мы отошли достаточно далеко, Томас остановился и передал приглашение мне. Конверт выглядел весьма роскошно. На глянцевом чернильно-синем фоне переплетались серебряные и золотые буквы. Края были усыпаны маленькими звездочками, как будто кто-то рассыпал на лист блестки. На память сразу же пришел «Лунный карнавал».

Я провела пальцем по глянцевой поверхности и открыла конверт.

«Уважаемый почетный гость.

Сердечно приглашаем Вас и Вашу семью провести семь бесплатных ночей магии, шалостей и разгула на борту парохода «Этрурия».

Отдайтесь «Лунному карнавалу» – единственному шоу, где представления основаны на картах таро, а Вашу судьбу решает Колесо Фортуны.

Одно простое предупреждение: опасайтесь полночных сделок. Если не будете осторожны, Вы можете потерять жизнь, саму душу в этом магическом круизном шоу…

Если шоу Вам понравится, пожалуйста, помяните его добрым словом в Вашем джентльменском клубе. Ваша поддержка очень желательна.

Искренне Ваш,

тайный благотворитель».

– Что вы об этом думаете? – спросил дядя. – Первое впечатление?

– Сложно сказать. – Я набрала в грудь воздуха, подбирая слова. – С одной стороны, я понимаю подозрения миссис Прескотт: кому нужна поддержка судьи? Для таких целей существуют и более влиятельные аристократы. – Я еще раз осмотрела письмо и передала его Томасу. – Я бы сказала, что вряд ли приглашение отправил кто-то связанный с карнавалом. Кто из них может позволить себе оплатить проезд четырех пассажиров первого класса?

– Но? – подбодрил Томас, подняв бровь. У меня сложилось впечатление, что он пришел к такому же заключению и дает мне возможность блеснуть.

– Это очень похоже на вступительную речь Мефистофеля. – Я показала на практически идентичную фразу. – «Вы можете потерять жизнь, саму душу в этом магическом круизном шоу». Кто еще может знать эту речь, кроме труппы?

Дядя задумчиво покрутил усы.

– Возможно, тот, кто уже видел «Лунный карнавал». Это не первое их выступление.

– Правда, – согласилась я, хотя меня это не убедило. – Но это все равно не объясняет, зачем им клеветать на артистов. Пока что нам не известен ни один свидетель, мы не знаем ни одного мотива, почему жертвой стала мисс Прескотт, и ни одной веской причины плести такую запутанную паутину,

чтобы совершить одно убийство. Почему бы убийцам просто не подождать, пока погаснет свет, нанести удар и ускользнуть туда, откуда они пришли?

Томас мерил палубу быстрыми и точными шагами, мне представлялось, что и мысли у него такие же. Внезапно он остановился и подошел к перилам, глядя на бесконечное море. Мы с дядей переглянулись, но я не посмела мешать, пока он путешествовал в темную, извращенную часть себя. Через несколько секунд он вполоборота посмотрел на нас, плечи его были напряжены.

– Скорее всего, убийца наслаждается зрелищем. Ему не интересно тихо вершить свои темные делишки, он жаждет театральности, упивается реакцией людей. Я… – Ветер сдул ему на лоб прядь волос. Томас повернулся к нам с суровым лицом. – В следующий раз жертва будет убита более зрелищным способом, который никто не перепутает с представлением. Где бы он сейчас ни был, он кипит от злости. Он в ярости от того, что большинство пассажиров не испугались его церемонии открытия. Когда он ударит снова, все до единого пассажиры на борту окажутся пленниками своего страха. Гарантирую, что он намеревается превратить это плавание в фантастический кошмар.

После продолжительной паузы дядя знаком попросил нас удалиться.

– Будьте все время начеку. Оба. Еще одни проблемы – последнее, что нужно нашей семье.

* * *

Одеваясь к вечернему представлению, я вспомнила предположение Томаса. К тому времени, когда горничная приколола к моим волосам последний розовый бутон, мои внутренности завязались в узел. Если Томас прав, а я в этом не сомневалась, скоро умрет еще один человек.

Дядя велел нам быть начеку, так что я восприняла его совет буквально. В своем темно-фиолетовом шелковом платье с открытыми плечами я легко могла раствориться в тенях и при необходимости следить за обеденным салоном.

Я достала из шкатулки мамин медальон в форме сердца, протянула горничной и, почувствовав на шее его вес, мгновенно успокоилась.

Горничная ушла, а я осторожно устроилась на краешке стула, обдумывая факты. Если верить миссис Прескотт, главный судья и доктор Арден получили приглашения на «Лунный карнавал», все расходы оплатил неизвестный. Они были знакомы до «Этрурии», но следует больше узнать про их отношения. А это может оказаться непростой задачей, поскольку доктор Арден обладал очарованием слизня. Он решил задержаться в каюте мистера Прескотта еще на день или два и отказывался разговаривать с кем-либо.

Оставив на время эту зацепку, я сосредоточилась на том, что уже известно. Мисс Прескотт убили, как только погас

свет. Возможно, это совпадение, но я так не считала. Кто-то, кто точно знал, когда в обеденном салоне станет темно, выжидал момент для удара. Еще одно указание на то, что человек, совершивший это чудовищное преступление, имеет отношение к карнавалу. Или видел репетиции. Я сделала мысленную пометку: еще раз побеседовать с капитаном. Он сможет назвать имена членов экипажа, бывших на дежурстве.

Далее туз треф. Его связь с убийством оставалась неясной. Хотя, возможно, в этом и смысл. Возможно, карта всего лишь отвлекающий маневр. Однако гадание на картах может оказаться полезным…

Кто-то постучал в дверь смежной каюты, выдернув меня из задумчивости. Я встала и разгладила платье спереди.

– Да?

Я думала, что миссис Харви пришла отвести меня на ужин, но вместо этого в каюту танцующим шагом вошел Томас, как будто в том, чтобы оказаться наедине со мной в спальне, не было ничего скандального. Я осмотрела его с головы до ног. Выглядеть таким красавцем в вечернем костюме настоящее уголовное преступление.

– А где миссис Харви?

Я одновременно надеялась и была в ужасе от мысли, что она войдет к нам.

Томас замедлил шаг, внимательно глядя на меня, словно оценивая мои эмоции. Не знаю, что он увидел на моем лице, но губы его дрогнули в улыбке.

– Ждет нас в обеденном салоне с твоим дядей.

– Как ты…

Я не нашла слов, когда он оказался совсем рядом и заключил меня в объятия. Я готова была утонуть в глубине его темных глаз, все еще сверкавших весельем. Мне казалось, что наш последний тайный поцелуй случился столетия назад, и каждую клеточку моего тела наполнило предвкушение.

Боже, как же я его хотела.

Он медленно провел ладонью по моей спине, и у меня перехватило дыхание, отчего его взгляд полыхнул так, что я чуть не растаяла. Томас еще ни разу меня не разочаровал, он склонился ко мне, изогнув в улыбке свои чудесные губы, и поднял мой подбородок.

– У тебя уже земля ушла из-под ног, Уодсворт?

Не отвечая, я впилась в его губы. Я еще не надевала перчатки, так что кончики моих пальцев путешествовали по его коже, и он отвечал тем же. Каждое прикосновение полностью захватывало меня, и вскоре я могла думать только о том, насколько далеко в исследованиях могут зайти его руки, и надеяться, что его губы повторят их осторожный путь. Его любовь была чистой, но опьяняющей, сладкой и мощной. Мне никогда не надоест ни прикасаться к нему, ни ощущать его прикосновения.

Будто бы точно зная, какие чувства он вызывает во мне, Томас огладил мои плечи и запустил пальцы в мои волосы, придвигаясь ближе, пока наши тела не прижались друг

к другу. Клянусь, электрический ток бежал по всем местам, в которых мы соприкасались. Он шептал мое имя, покрывая поцелуями мою шею и обнаженную ключицу, остановившись там, где лежал мой медальон. Мне требовалось намного больше, чем позволяли приличия. С колотящимся сердцем я стащила с него фрак и направила Томаса к кровати.

Он аккуратно положил меня и навис сверху. Наверное, с медицинской точки зрения это невозможно, но, клянусь, если он сейчас же не прикоснется ко мне, я взорвусь. Он провел большим пальцем по моей нижней губе, задумчиво глядя на меня.

– Обожаю, когда ты так смотришь.

Я посмотрела ему в глаза.

– Как?

– Как будто любишь меня так же безгранично, как я тебя.

Я утратила последние остатки самоконтроля, за которые так цеплялась. Я потянула Томаса вниз, пока он не лег на меня. Делить с ним кровать оказалось восхитительно. Я гладила его упрямый подбородок, теряясь в золотистых искорках его глаз, потом медленно прижалась к его губам. Когда его язык коснулся моего, я едва не лишилась чувств.

Целоваться с Томасом – мое любимое занятие, и он явно с удовольствием баловал меня.

– Наверное, ты прав. Нам следует пожениться на борту, – сказала я, тяжело дыша. Я готова на большее, чем поцелуи, особенно если он продолжит неторопливо наглаживать мое

тело через лиф платья. С понимающей улыбкой он еще раз поцеловал меня и вернулся к моей шее. Царапнул зубами чувствительную кожу и скользнул ладонью по бедру. Помогите мне, все святые.

– Как думаешь, здесь есть священник? Наверное, отец не сильно рассердится, если мы тайно обвенчаемся. Может, дядя согласится стать нашим свидетелем… или миссис Харви.

Томас отстранился, чтобы посмотреть мне в глаза, его озорная улыбка вернулась.

– Мисс Одри Роуз Уодсворт, покорительница моей души, ты дьявол во плоти. Ты готова попрать традиции только ради моего тела. – Он прижал ладонь к сердцу. – Клянусь, я никогда не любил тебя больше.

Мое лицо запылало.

– Ты невыносим.

– Я невыносимо обаятельный.

С видимым усилием он поднялся и помог мне встать. В его глазах горел голод, равный моему собственному, и я подумала, кто же из нас первым сойдет с ума от желания. Я оторвала взгляд от него и посмотрела обратно на кровать, придумывая способ вернуться на несколько мгновений назад.

– Я рассказывал тебе о нашем поместье?

Я моргнула от неожиданной перемены темы.

– Кажется, нет.

Томас провел ладонями вверх по моим рукам, потом обнял меня за талию. Прижав меня к себе, он легко коснулся

моих губ, и мне стоило больших усилий сохранить контроль. У меня сложилось впечатление, что если я снова его поцелую, то мы оба не сможем держать себя в руках. В тот момент я не могла бы с уверенностью сказать, что хочу соблюсти приличия.

– Я хотел бы увезти тебя туда, когда мы поженимся, – прошептал Томас. – Я отошлю большую часть прислуги. Мы будем одни в целом мире – больше никаких пряток. Когда ты смотришь на меня так, как сейчас, моя добродетель опасно близка к краху. А я никогда не был особенно благочестивым, Уодсворт.

От такого шокирующего заявления меня кинуло в жар. Я поняла, что жду не дождусь дня, когда мы перестанем сдерживаться.

– Ты настоящий негодник, Томас Кресуэлл.

Он хохотнул.

– О да, но эти искорки в твоих глазах выдают, что ты это обожаешь. А я больше всего люблю ублажать тебя, так что изо всех сил буду стараться вести себя как можно хуже.

– Как романтично.

– Я тоже так считаю. – Он взглянул на часы. – Боюсь, твой дядя убьет миссис Харви, если мы не поторопимся. Когда я уходил, он разглядывал ножи, и сомневаюсь, что он выбирал подходящий для филе.

Я заставила себя отвести взгляд от его губ. Мысли о настоящем убийстве охладили нашу страсть. Я вздохнула.

– Тогда пойдем спасать наших компаньонов.

Томас натянул пиджак и вышел через каюту миссис Харви. Я посмотрелась в зеркало, поправила выбившиеся из прически темные локоны. Коснулась губ, надеясь, что они не покажутся никому опухшими от поцелуев. Мне не терпелось написать Лизе, она жила ради таких романтических деталей. Она будет шокирована, и придет в восторг, и… Я задохнулась, словно от удара. На мгновение я забыла, что она пропала.

Я согнулась, прижав руки к животу, и глубоко вдохнула, стараясь успокоиться. Я ужасная распутница, так отвлеклась на губы Томаса. Клянусь в оставшуюся часть пути вести себя лучше.

Мгновение спустя Томас постучал в дверь каюты, как подобало джентльмену. Я отогнала беспокойство, открыла дверь и приняла предложенную руку. Он был прав: мы ничего не можем сделать для Лизы, пока находимся на корабле. Как только мы сойдем на берег в Америке, я разработаю план получше.

– Готова? – спросил Томас.

Я кивнула. Так быстро, насколько позволяли мои шелковые туфельки, мы прошли в коридор, ведущий к салону.

Мы передали наши пальто – и белый шелковый шарф Томаса – слуге и заспешили по коридору. Томас при полном параде шагал уверенно, а я остановилась, потрясенно глядя на розу у него в петлице. Я не заметила ее, когда стаскивала

фрак с Томаса. Воистину, я не думала ни о чем, кроме наших объятий.

Он перехватил мой взгляд и подмигнул.

– На борту продают оранжерейные цветы по неприличным ценам. Разумеется, одеваясь, я думал о тебе. Можешь оказать ответную любезность в любое время. Только, наверное, в обратном порядке.

Остроумный ответ умер у меня на губах, когда два лакея в ливреях распахнули перед нами двери. Черно-белый пол и мерцающий синий занавес остались теми же, что и вчера, а вот акценты сегодня были серебряными и золотыми. Цветы, канделябры и нити с бусинами – водопад чрезмерного богатства.

Мое внимание – и не только мое, судя по широко распахнутым глазам остальных, – привлекли заполнившие помещение артисты в масках. Они вертели серебряные мечи, словно дирижерские палочки. Свет отражался в клинках, заставляя сердце неровно биться.

Целая армия артистов, одетых для битвы. Любой из них мог повернуть свое оружие против пассажира. Хуже того, каждый обладал властью превратить этот праздник в кровавую бойню.

Я замедлила шаг, не представляя зрелища, способного больше ублажить ненасытного убийцу, и надеясь, что ошибаюсь.

Глава 5. Рыцарь Мечей

Обеденный салон
Королевский почтовый пароход «Этрурия»
2 января 1889 года

– Все хорошо, дыши.

Томас подвел меня к нашему столику и выдвинул стул, хотя и здесь стояли наготове официанты. Некоторые из них побледнели, но не осмелились выйти вперед и выполнить обязанности, которые присвоил Томас.

Пока он проявлял галантность, дядя Джонатан отвлекся от вилки с ножом и уставился на него с непостижимым выражением лица. Бог знает, что он подумал о предупредительности Томаса по отношению ко мне. Сомневаюсь, что он слышал, как стучит мое сердце, но я безотчетно волновалась, что у меня на лбу вдруг загорелись слова «Я страстно целовалась с Томасом Кресуэллом».

Уголки дядиных губ тронула улыбка, словно он извлек эту мысль из моей головы.

– Одри Роуз. – Он кивнул, когда мой сопровождающий уселся рядом с ним, напротив меня. – Томас. Вы как раз вовремя.

Миссис Харви, сидевшая справа от меня, напротив дяди, одобрительно кивнула мне.

– Прекрасно выглядите, дорогая. Этот цвет вам очень идет. Баклажановый – такой чудесный оттенок для сумрачных январских вечеров! А также скрывает кучу огрехов.

Я непонимающе нахмурилась, а она показала едва заметное пятно на своем светлом платье. Похоже, от какой-то жидкости, хотя я не была уверена.

– Спасибо, миссис Харви.

Сделать комплимент ее модному платью и ослепительным украшениям я не успела, потому что погас свет. Очень захватывающе путешествовать на судне, оснащенном электричеством, особенно когда его используют для создания эффектов.

Я огляделась в поисках обеспокоенных зрителей, но никто особенно не выделялся. Капитан Норвуд не стал предавать огласке правду о смерти мисс Прескотт, в основном ради собственного блага, но также потому, что Прескотты просили сохранить это в тайне. Оживленная болтовня за столиками стихла, мечники, и юноши и девушки, продолжали вертеть клинками, и все шло удивительно хорошо. Может, Томас ошибся. Может, сегодняшнее представление не закончится смертью. Я отпила из бокала и наконец полностью расслабилась.

Кулисы начало снизу заволакивать дымом, дразнящим и намекающим на невидимый источник огня. Мои ладони намокли, перчатки стали влажными. Уже почти пора. Я глянула на дядю, но тот был поглощен ужином. Он резал фи-

ле с той исключительной сосредоточенностью, какую обычно приберегал для покойников на вскрытии. Очевидно, он не верил, что в меню этого вечера опять значится убийство. По крайней мере не в этом салоне.

– Почтенные пассажиры «Этрурии», – промурлыкал ведущий, снова возникая из густого дыма.

Я содрогнулась, вспомнив его вчерашнее, такое же внезапное, появление.

– Добро пожаловать на второй вечер «Лунного карнавала»! Колесо Фортуны выбрало необычайное представление. Представляю вашему вниманию вечер острых ощущений, леденящих зрелищ и, вполне возможно… кровопролития!

Занавес без предупреждения раздвинулся, как рассеченная плоть, и открыл взорам молодую женщину в маске, корсете из мятого красного бархата, в иссиня-черных чулках. Кроме этого на ней было мало что надето.

Подобранные наверх кудряшки кофейно-карамельного цвета добавляли ей несколько дюймов роста. На ней был очень красивый турнюр из множества слоев плотной черной ткани, обшитой красной лентой.

На груди красовался низкий вырез в форме сердца, а воротник скрепляла такая же черная лента, как и на спине корсета. Бока украшали черные аппликации. Ажурная маска была из такого темного металла, что казалась застывшей нефтью. Красно-черный наряд девушки представлял женскую версию костюма ведущего.

При виде девушки в маске по толпе прокатился вздох. В руках незнакомки блестел огромный меч. Как и ее костюм, рукоятка меча была произведением искусства – выточенная из почти черного металла, она напоминала букет полевых цветов и птичьих крыльев. Словно сказочный меч, выкованный в диком, неземном пламени.

Глаза девушки в маске встретились с моими и расширились. Вот это да…

Я прикрыла ладонью рот, пытаясь не ахнуть. Озарение пронзило меня как стрела. Неважно, как и почему, но одно я знала определенно.

Девушка на сцене была моей пропавшей кузиной Лизой.

Я тяжело сглотнула, не отводя от нее глаз. Несмотря на маску, скрывающую половину лица, я знала, что это она. Разрушив чары, возникшие между нами, в поле зрения появился ведущий. Я со стуком поставила бокал. Вино выплеснулось на скатерть, но официант, бдительный как всегда, быстро все убрал. Лиза. Я почти не моргала, боясь, что она – созданное моими воображением видение, которое исчезнет так же внезапно, как появилось.

– Постарайтесь не потерять ваши сердца или головы. – Глаза Мефистофеля блестели. – А прелестная Лиза постарается сохранить свои, пока Цзянь Юй Неуязвимый… Невероятный! Блистательный Рыцарь Мечей распиливает ее пополам!

Толпа ревела от восторга. Я старалась сдерживать нарас-

тающий ужас.

– Интересный поворот, – прошептал Томас.

Я уставилась на него, вовсе не удивленная тем, что он едва не подпрыгивает на стуле. Он обожал решать загадки и складывать неожиданные детали головоломки, а сегодняшний вечер только что стал одним из величайших пазлов.

– Если под «интересным» ты имеешь в виду абсолютно ужасный, то я согласна.

Дядя резко выдохнул, и я поняла, что он тоже узнал нашу непутевую родственницу. Даже не глядя на него, я понимала, что он, должен быть, в ярости. То, что она натворила, гораздо хуже, чем просто побег. Может, не для меня или дяди, но в глазах общества она заклеймила себя как блудница.

Мефистофель откашлялся, поощряя кузину к действию. Лиза соблазнительно улыбнулась толпе и занесла меч над головой, горделиво вышагивая по сцене, словно была для этого рождена. Мой пульс участился. Я одновременно потеряла дар речи и испытала странную гордость.

– У твоей тети случился бы удар, если бы она увидела Лизу в таком положении, – сказал Томас, заработав сердитый взгляд дяди. Он сдвинул брови. – Разве это неправда?

– Томас, – предостерег дядя. – Довольно.

Несмотря на ужасные обстоятельства я улыбнулась. Моя кузина воплощала в жизнь свои романтические мечты, и ее не заботило, что о ней подумают. Я восхищалась ею, хотя при воспоминании о зловещих пророчествах Мефистофеля

закрадывалось беспокойство. Похоже, Лиза потеряла и сердце, и голову в его карнавале. Мне вдруг пришло на ум ее последнее письмо. Она упоминала тайный флирт с артистом, демонстрирующим освобождение от цепей.

Вокруг заахали, и я повернулась посмотреть, что вызвало такой переполох. Зловещий топот копыт возвестил о появлении в салоне одетого в кольчугу Цзянь Юя Неуязвимого, Рыцаря Мечей, верхом на черном коне. Животное сверкнуло белками блестящих глаз и взвилось на дыбы. Копыта с такой силой обрушились на плитки пола, что на столах задребезжали бокалы. Миссис Харви стиснула мое предплечье, а несколько женщин поблизости взвизгнули.

Цзянь выглядел таким же жестким, как его броня. Серебряная маска полностью закрывала один глаз и заканчивалась остриями, которые словно торчали из головы. Маска походила на корону из расплавленных мечей. Он был живым воплощением карты таро Рыцарь Мечей, и костюм прекрасно это отражал.

При его появлении остальные артисты с мечами убрали свое оружие в ножны со звуком, который шипами вонзился в мои вены. Они упали на колени, словно в религиозном порыве. Мои руки покрылись гусиной кожей. Вся сцена ужасала, особенно молчание Цзяня.

Он направил коня неторопливой поступью вверх по ступеням – ему хотелось, чтобы мы восхищались, когда он проезжает мимо. Длинные черные волосы были связаны в хвост

на затылке, открывая зрителям его лицо с мрачными угловатыми чертами – достаточно резкими, чтобы поразить несколько сердец. И судя по тому, как с хлопком раскрылись веера, а среди женщин пронеслась оживленная болтовня, цель была достигнута. Миссис Харви сделала большой глоток ледяной воды, а Томас закатил глаза.

– Это мускулистое телосложение так впечатляет или опасный шрам на глазу? – спросил он, но миссис Харви не удостоила его ответом. Она так и не отвела глаз от молодого человека, который тем временем уже был на сцене. Цзянь соскочил с коня и отдал поводья Лизе, дернув подбородком в сторону кулис.

– Одри Роуз, ты изучила журналы, которые я тебе дал? – прервал его дядя, переключая мое внимание на себя. – Мне нужно, чтобы вы с Томасом хорошо разбирались в отметинах, оставленных…

Дядя прилип взглядом к чему-то на сцене, вызвав у меня любопытство. Вторая ассистентка выкатила похожее на гроб устройство – странный ящик с дырками сверху, снизу и по бокам. С обоих концов ящик был перевязан веревками, которые также охватывали плечи ассистенток.

– Хорошо, – ровно ответил Томас. – Я надеялся, что они выкатят мертвеца до десерта. Потроха лучше сочетаются с основным блюдом, не правда ли, Уодсворт? – Он сморщил нос. – А со сладостями совсем не идут.

– Хватит шутить. – Несмотря на мое замечание, сердце

бешено колотилось. – Никто не собирается выпускать внутренности.

Томас склонил голову.

– Я не шучу. Этот ящик используют для того, чтобы распиливать людей. Одно неверное движение – и зрители передних рядов окажутся в крови, а им на столы полетят отрезанные органы. Кровавое месиво вместо ягодного мусса. Хотя если у нас на борту убийца, это может оказаться тем зрелищным убийством, которого мы боялись.

Цзянь вложил в ножны мечи, которыми размахивал, и демонстративно осмотрел каждый дюйм деревянного ящика. Лиза и вторая ассистентка стояли по обе стороны, широко улыбаясь, словно одну из них не ждала вероятная участь быть распиленной прямо у нас на глазах. Я незаметно вытерла ладони о юбку. Я испытывала странное очарование и одновременно отвращение к этому очарованию. Порой я презирала противоречия своего разума и тьму в сердце.

– Ты же не думаешь, что Лиза будет… – Я запнулась, впившись взглядом в Цзяня, который стал у края сцены и поднес руку к лицу, словно прикрывал глаза от солнца. Обеденный салон немного притих, но шум не прекратился.

– Доброволец! – провозгласил он с легким акцентом.

Похоже, ни у кого не возникло желания предложить себя в качестве потенциальной жертвы. И я их не винила. Какой здравомыслящий человек пойдет на такое? Блеснув маской, Цзянь подошел к противоположному краю сцены и уставил-

ся на столик молодых джентльменов.

– Вы все трусы, недостойные встречи с моими клинками. – Он повернулся к ассистенткам на сцене. – Лиза!

Кузина продолжала улыбаться, но ее шея дернулась, а колени были плотно сомкнуты, выдавая страх. Сделав глубокий вдох, она шагнула вперед. Не успев сообразить, что делаю, я вскочила и бросила салфетку на тарелку.

– Подождите!

– А, – широко улыбнулся Цзянь, показывая зубы. – Все-таки у нас есть доброволец.

Хотя я стояла, готовая ринуться на сцену и залезть в этот ящик смерти, взгляд рыцаря был устремлен не на меня. Он смотрел мимо меня, стоящей с дрожащими коленями, туда, где Томас уже поднимался по ступенькам на сцену, уверенно и неторопливо. Полная противоположность моему сердцебиению. У меня внутри все замерло и дрожало одновременно.

– Томас, пожалуйста, нет.

Сжав кулаки, я смотрела, как он помедлил перед гробом и, подмигнув мне через плечо, залез внутрь.

– Сядьте, дорогая, – прошептала миссис Харви. – Похоже, вы немного нервничаете. Выпейте вина, оно успокаивает.

Она махнула официанту, и тот налил темно-красной жидкости из графина. Когда вино потекло в мой бокал, я постаралась не думать о крови мисс Прескотт.

– Вот так, будьте хорошей девочкой, выпейте несколько

глотков.

Не имея сил спорить, я рухнула на стул, поднесла к губам предложенный бокал и сделала несколько быстрых глотков, почти не ощутив кисловатого виноградного вкуса. Вино меня не особо интересовало, но немного отвлекло. Ненадолго. Я промокнула уголки рта льняной салфеткой, не сводя глаз с Томаса, который высунул из похожего на гроб ящика голову, руки и ноги, после чего воцарилась тишина.

Я на мгновение представила Томаса на столе морга, и мне понадобилось все мое самообладание, чтобы не броситься на сцену и не вытащить его. Рациональная часть моего мозга точно знала, что ему не причинят вреда. Карнавальный бизнес – это продажа билетов и создание зрелищ, а не покровительство убийствам.

Хотя именно это и произошло вчера вечером.

Я не могла избавиться от напряжения в руках и ногах, когда Лиза со второй ассистенткой накрыли деревянный ящик крышкой и кивнули Цзяню. Я выпрямила спину, сбрасывая напряжение. В помещении вдруг стало жарко, и мне захотелось оказаться на палубе, на ледяном зимнем ветру, гуляющем под навесом.

Дядя фыркнул при виде Томаса в ящике, но я заметила, что у него на лбу от волнения пролегла морщинка. Это не успокоило мои собственные страхи.

– Глупый мальчишка.

Я стиснула мамин медальон в форме сердца, висевший у

меня на шее, не обращая внимания на то, что металл впивался в ладонь. Томас убрал руку и высунул опять, размахивая игральной картой. Я могла поклясться, что огромный корабль закачался, когда я заерзала на стуле.

Зрители рассмеялись над нелепостью отделенной от тела руки, машущей картой, а я не могла оторвать взгляда от огромной пилы, которую обе ассистентки несли рыцарю. Металлические зубья блестели, готовые погрузиться в деревянный ящик – и плоть Томаса, если что-то пойдет не по плану. Или если в плане значится убийство.

По моей спине покатились капли пота. Одно неверное движение – и брызнет его кровь…

– Ну-ну, дорогая. – Миссис Харви похлопала меня по руке. Я выдохнула, и она улыбнулась. – Это просто фокус. То, что случилось вчера, было ужасно, но вероятность повторного убийства просто исключена. Наш Томас знает, что делает. Хм-м?

Я с усилием сглотнула и кивнула. Конечно, она права, но мое сердце не желало слушать голос разума. Оно билось все быстрее от мысли обо всех тех ужасах, которые могут произойти. Томас знал, что делает, даже если его поступок – очень плохая идея.

Лиза бросила на меня непонятный взгляд через плечо. Я опять напряглась, когда Цзянь занес пилу над головой. Я чуть не побежала к стоящим на коленях артистам, чтобы отнять у них один из мечей, если Томасу причинят вред.

– Можете убедиться, что лезвие самое настоящее. Изабелла, будь добра, продемонстрируй.

Он кивнул второй ассистентке. Изабелла шагнула вперед и рубанула по пиле мечом, который взяла со стола. Металл громко заскрежетал. Я стиснула зубы от этого звука. Молодой человек за соседним столом закрыл уши.

– А еще оно очень острое. Лиза?

Кузина взмахнула ажурной маской, которую держала при себе, и положила ее на ящик. Цзянь аккуратно провел по ней пилой назад-вперед, и та развалилась пополам. Я постаралась не зацикливаться на том, что лезвию понадобилось всего три прохода, чтобы распилить металл – оно чересчур острое, чтобы находиться поблизости от моего ненаглядного Кресуэлла.

Я сделала глубокий успокаивающий вдох, пока Цзянь обходил ящик, гордо держа пилу над головой. Он остановился там, где должен быть центр тела Томаса, и подозвал Изабеллу. Та прошла по сцене, широко улыбаясь и крепко держа руки на бедрах, как балерина. Она остановилась напротив рыцаря – видимо, для перепиливания требовалось два человека. Я комкала салфетку на коленях, а Цзянь приложил пилу к ящику и двинул ее к Изабелле.

– На счет три, – распорядился он. – Раз. Два. Три!

Металл заскрежетал по дереву: вжик-вжик-вжик. Лезвие погружалось в ящик все глубже и глубже.

Глава 6. Распиленный пополам

Обеденный салон
Королевский почтовый пароход «Этрурия»
2 января 1889 года

Мне хотелось закрыть глаза руками, выбежать из салона и броситься за борт, но я заставила себя сидеть и не шевелиться. Томас же бешено дергал руками и ногами, а пила опускалась все ниже и ниже.

Несколько женщин отвернулись от сцены, раскрыв веера и требуя нюхательную соль. Если представление закончится неудачно, это будет самое отвратительное зрелище, которое доводилось видеть кому-либо из присутствующих, включая меня. Последствия смерти и убийства сами по себе неприятны, но наблюдать за самим процессом? Я на мгновение закрыла глаза, не желая представлять тьму, которая вырвется из меня, если Томас умрет на этой сцене.

– О, дорогая. – Миссис Харви щедро глотнула вина. – Ужасно натурально, не правда ли? Я могла бы поклясться, что лезвие действительно вонзилось в него.

Я до боли стиснула зубы. Всего несколько дюймов, и пила пройдет сквозь центральную часть ящика. И сквозь Томаса.

Вжик-вжик-вжик-вжик.

Я припомнила, где лежит моя медицинская сумка, и мыс-

ленно подсчитала, сколько времени понадобится, чтобы добежать до каюты в вечернем платье и взять ее, и достаточно ли у меня опыта, чтобы сшить Томаса. Надеюсь, на борту есть хирург. Кто-нибудь более профессиональный, чем доктор Арден, который все еще скрывался с главным судьей Прескоттом.

Вжик-вжик-вжик-вжик.

Когда пила дошла до дна ящика, я задержала дыхание, ожидая, что из него хлынет кровь и вывалятся внутренние органы. Томас перестал двигаться. Мое сердце, должно быть, тоже остановилось. Вокруг раздались приглушенные голоса, но слова сливались в неразличимый шум, а я все смотрела на Томаса, ожидая, что он вот-вот истечет кровью.

Ничего не произошло.

Неожиданно руки и ноги Томаса зашевелились, как будто лезвие не распилило его пополам. Я привстала, готовая зааплодировать и покончить с этим, но кошмар продолжался. Цзянь и Изабелла повторили номер с другим лезвием. Как только оно опустилось до стола, они схватились за торцы ящика и раздвинули половины.

Я не помнила, чтобы об этом предупреждали, но закричала. Так громко и страшно, что дядя уронил вилку, а миссис Харви схватилась за бокал. Рыцарь Мечей захохотал, мрачно и зловеще, как разразившийся над морем шторм.

– Человек распилен надвое!

Еще несколько человек в толпе закричали. Я закрыла рот

ладонью, пытаясь сдержать собственные вопли. Два широких лезвия загораживали места распилов, не давая зрителям увидеть внутренности, хотя логически я понимала, что там нечего прятать. Эмоции победили логику, и в груди поселилась паника. Руки Томаса. Я сосредоточилась на них и на карте, которой он до сих пор размахивал. Они шевелятся. Он двигается. Это иллюзия. Жуткий фокус.

Я сморгнула слезы, ненавидя Томаса за эту выходку. Цзянь катал две половинки моего сердца по сцене, с гордостью показывая свое умение обращаться с пилой. Сделав полный круг, они сдвинули половинки ящика и вынули обе пилы. Я вцепилась в края стула, чтобы не дать себе взлететь на сцену, распахнуть этот гроб и ощупать Томаса.

Лиза взмахнула черным покрывалом, достаточно большим, чтобы скрыть ящик. Они накинули покрывало на ящик, еще раз обошли вокруг него и резко сдернули. Подняли крышку и… ничего. Томас не встал из ящика, а его рук и ног больше не было видно. Мое сердце глухо стучало, звуки в зале постепенно становились громкими и тихими одновременно. Мне хотелось попросить нюхательную соль. Лиза и Изабелла обеспокоенно переглянулись: похоже, это не входило в представление. Я встала, сердце колотилось как сумасшедшее.

Цзянь вложил мечи в ножны и подошел к ящику, сжав кулаки. Что-то пошло не так. Когда он приблизился, Томас выскочил, как чертик из табакерки, держа в руках вторую

карту, и Цзянь отшатнулся.

Зрители зафыркали при виде лица рыцаря: тот как будто проглотил кислый лимон. Без предупреждения он выхватил из ножен на спине тонкий меч и вонзил его точно в центр карты, прерывая любые смешки.

Томас, выпрыгнув из ящика, коротко поклонился и сбежал по ступенькам. Его щеки разрумянились от удовольствия.

– Похоже, мое представление его разозлило, – сказал он, слегка задыхаясь. – Я думал, это гениальный штрих. Немного смеха, чтобы уравновесить страх.

Цзянь с ассистентками покинули сцену, но я видела только маленький разрез на жилете Томаса. Собственная кровь казалась мне ледяной, как океанские воды.

– Тебя задело.

Томас откинул назад влажную прядь, но ничего не ответил.

Из дыма, как и подобает дьяволу, появился Мефистофель. Он усмехнулся пассажирам и махнул кому-то за занавесом. По команде занавес раздвинулся, и Цзянь, Лиза и Изабелла принялись кланяться публике. Толпа свистела и одобрительно кричала, кое-кто даже снова затопал ногами, а некоторые вынули из ваз оранжерейные цветы и стали бросать их на сцену. Я не нашла в себе сил присоединиться к ним.

Вместо этого я смотрела на пламя в глазах рыцаря. Мой друг разозлил его, а Цзянь не походил на человека, которому

нравится глупо выглядеть. Он взглянул на Томаса, и на его скулах заиграли желваки. Клянусь, когда Томас заметил его пристальный взгляд, мужчины обменялись каким-то молчаливым обещанием.

– Леди и джентльмены, – сказал Мефистофель. – Похоже, сегодня никто не лишился головы. Но повезет ли вам так завтра? Спросим Колесо Фортуны и увидим. Доброй ночи!

Занавес начал закрываться, и артисты, отступая назад, исчезли из вида.

Я повернулась к Томасу и, чтобы не задушить его, сжала бокал.

– С ума сошел? Ты мог пострадать!

Томас посмотрел на мои сжимающие бокал пальцы, потом на стиснутые челюсти и поднял руки, сдаваясь.

– Спокойно, Уодсворт. Наверное, нам стоит отойти подальше от столовых приборов и стекла. Уверяю тебя, я был в полной безопасности.

Я фыркнула.

– Конечно. Любой будет в полной безопасности, когда его распиливают пополам. Особенно после вчерашнего убийства! Как глупо с моей стороны так беспокоиться.

– Одри Роуз, – предупредил дядя. – Пожалуйста, держи себя в руках до конца ужина. После выступления Лизы у меня и так достаточно забот. – Он встал и бросил салфетку на стол. – Я иду за ней. Она присоединится к тебе в твоей каюте.

И он стремительно покинул салон. Миссис Харви быстро

схватила пустой бокал и уставилась в него, как будто он мог унести ее от этого стола.

– Будьте любезны, – подозвала она официанта, чтобы тот отодвинул ее стул. – Я что-то устала. Прошу меня извинить.

Я смотрела ей вслед, слишком раздраженная, чтобы думать о том, что опять осталась без компаньонки.

– Ну? – спросила я. – И к каким же выводам ты пришел, прежде чем забраться в тот ящик, посчитав его безопасным?

Томас потянулся к моей руке, но остановился. Хотя мы и сидели одни за столиком, это все же не уединение моей каюты. Его прикосновение на публике было бы совершенно неподобающим.

– Там двойное дно. Я заметил тонкий шов в дереве, несколько дополнительных дюймов, в которых нет необходимости. Присмотревшись, я понял, что буду лежать прямо под ящиком, в потайном отделении стола. – Он робко улыбнулся. – На самом деле это весьма хитроумно. Конструкция позволяет распилить ящик пополам, пока мои руки и ноги торчат из отверстий. Тот, кто это создал, гений. Я еще никогда не видел ничего подобного.

– И ты понял все это до того, как лег туда?

– В основном. – Томас взглянул на постепенно пустеющие столы. Скоро останемся только мы. – Ты так прелестно раздуваешь ноздри. Вот… – Он широко улыбнулся, уклоняясь от пинка под столом. – Вот так. Когда-нибудь я прикажу увековечить это выражение на парадном портрете и повешу его

над камином в своем кабинете.

– Иногда я искренне не люблю тебя, Томас Джеймс Дорин Кресуэлл.

– Даже когда я мужественно жертвую собой? – Он достал из внутреннего кармана две карты и помахал ими передо мной. – Держу пари, теперь ты ненавидишь меня меньше.

– Самую малость. – Я выхватила у него карты. Первой оказался туз пик, а второй – нарисованная от руки карта таро Правосудие. – Что ты об этом думаешь?

– Весы правосудия сильно перекошены. Похоже, убийство дочери судьи Прескотта не случайно. Стоит изучить его деятельность в качестве судьи магистрата. Кто-то явно считает его решения несправедливыми. Это может быть хорошим мотивом. – Он постучал пальцем по карте. – А туз пик, скорее всего, отвлекающий маневр.

– А как же туз треф, оставленный на теле мисс Прескотт? – возразила я. – Может быть, отвлекающий маневр – это карта таро.

Томас пожал плечами.

– Возможно, они обе обманки. Или эти просто потерялись. Нам надо обыскать…

Нас прервал ужасный шум. Как будто по коридорам в панике неслось стадо слонов. Что не исключено, учитывая карнавал. Озадаченная, я обернулась. Официанты выглядывали наружу, а несколько пассажиров вбежали в открытую дверь.

Мое тело сковал ужас. Бегущие люди со слезами на лицах

– плохой знак. Что бы их ни напугало, это должно быть что-то очень плохое. Они только что, почти не отрываясь от основного блюда, смотрели, как молодого человека пилят пополам.

– Скорее. – Томас бережно взял меня за руку и поспешил к двери. – Если это то, чего я боюсь… может, мы успеем спасти человека.

– Подожди! – Я вырвалась, подбежала к ближайшему столу и схватила нож. – Лучше быть готовыми ко всему.

Томас снова взял меня за руку, и мы как можно быстрее пошли против движения пассажиров. Я держала нож острием вниз и прижимала его к боку. Я никогда не видела на прогулочной палубе столько народа, и теперь она казалась бутылочным горлышком.

Туда-сюда сновали мужчины в цилиндрах, некоторые уводили семьи подальше от хаоса, другие протискивались ближе. Несколько раз моя ладонь чуть не выскользнула из руки Томаса, но он всегда оказывался рядом, закрывая меня своим телом. Его толкали, но он вел нас туда, где толпа была плотнее всего.

– Прошу вас! – крикнул кто-то невидимый. – Возвращайтесь в свои каюты. Не бегите и не паникуйте. Уверяю вас, я обеспечу вашу безопасность.

– Как обеспечили ее безопасность? – воскликнул в ответ один из пассажиров, заслужив одобрительные возгласы стоявших рядом. – Все мы в опасности посреди океана. Мы в

ловушке!

– Тихо, тихо, – отозвался первый, – все будет хорошо. Сохраняйте спокойствие и возвращайтесь в свои каюты!

Томас, пользуясь своим ростом, протолкнулся со мной ближе. Капитан Норвуд стоял на ящике и отдавал экипажу распоряжения уводить пассажиров. Я искала глазами причину тревоги.

И тут я увидела.

На стропилах прогулочной палубы вниз головой висела женщина. Юбки упали ей на голову, скрывая лицо и выставляя на всеобщее обозрение нижнее белье. Это и так было бы достаточно ужасно, даже если бы ее тело не было утыкано множеством мечей, торчавших из нее под самыми немыслимыми углами. Кровь из ее ран медленно стекала на палубу со звуком воды, капающей из крана. Несмотря на гомон перепуганных пассажиров я слышала только эту зловещую капель. Это было самое жуткое зрелище из всех, что мне доводилось видеть, а ведь я присутствовала при обнаружении многих жертв Потрошителя.

Я прижала ладонь к животу и заставила себя дышать ровнее. Когда тело вращалось, словно рыба на удочке, веревка скрипела. Я думала, что смерть мисс Прескотт была ужасной, но это совершенно новый уровень чудовищности. По открытому коридору гулял ветер, заставляя тело мерно покачиваться над нами. Капли крови дугой ложились на пол. Я попыталась сосредоточиться на чем-то другом, кроме мечей.

– О боже, смотрите, – я показала на перетершийся участок веревки. – Если мы ее не снимем, веревка лопнет.

И мечи вонзятся еще глубже, возможно обезглавив ее прямо у нас на глазах. К горлу подступила тошнота. Несчастная жертва не заслуживала дополнительных унижений или повреждений.

Томас внимательно оглядел толпу.

– Твой дядя вон там, мы должны подойти к нему.

Мы стояли рядом с поручнями, под яростными порывами ветра. Я потерла предплечья руками, только сейчас осознав, что не только забыла захватить пальто, но и потеряла нож. Томас набросил мне на плечи свой фрак, хотя так и не отвел взгляд от места убийства. Как только экипажу удалось увести большую часть пассажиров, дядя жестом подозвал нас.

– Пожалуйста, вернитесь в свои каюты, – заступил нам дорогу палубный матрос. – Приказ капитана.

Томас смерил юношу взглядом.

– Мы помогаем с телом.

Матрос посмотрел на меня.

– Оба?

– Генри, пропусти их! – рявкнул Норвуд. – И кто-нибудь приведите этого проклятого хозяина карнавала. Если это сделал один из его чертовых артистов, я его вздерну! – Капитан повернулся к дяде, сжав кулаки. – Мы не можем оставить ее здесь в таком неприличном виде на всю ночь. Даю вам двадцать минут, остальное можете сделать внутри. – Он пошел

вдоль выстроившихся в шеренгу членов экипажа. – Пройдитесь по каютам и проверьте, не пропала ли у кого родственница. Эта девушка путешествовала не одна. Кто-то, должно быть, уже беспокоится. Да, и прикажите подать бренди тем, кто больше всего расстроен. Нам ни к чему всеобщая паника. Идите!

Дядя поймал мой взгляд, прежде чем обойти вокруг трупа. На один ужасный миг я представила, что это Лиза висит тут, пронзенная теми самыми мечами, с которыми помогала совсем недавно. Потом логика взяла верх, и я трезво посмотрела на факты. На девушке не было карнавального костюма. Я не видела ее лица, но на вид она казалась выше ростом и тяжелее, чем моя кузина.

Я глубоко вдохнула, но это не успокоило сердцебиение, когда я шагнула к жертве. Вблизи было слышно, как скрипит веревка, когда тело вращается на ветру. Резкий запах меди, смешанный с соленым запахом моря, – нескоро я забуду этот аромат.

Томас обошел тело, лицо его было таким же холодным, как зимний воздух вокруг. Трудно представить, что это тот самый человек, который несколько часов назад был полон такой страсти. Он показал на спасательную шлюпку, уткнувшуюся носом в пол.

– Кто-то отрезал веревку с одного конца и воспользовался ею, чтобы повесить жертву. Видите?

Я прошла вперед и присела.

– Это может означать, что убийство не было спланировано. В противном случае, думаю, убийца принес бы веревку с собой.

– Позволь не согласиться с тобой, Уодсворт. Он надеялся это изобразить. Но посмотри сюда… у него был еще кусок веревки, он зацепил его за тот, что отрезал, а затем дважды перекинул через стропила. Там еще достаточно много, чтобы отрезать. – Томас кивнул на лежащую на палубе веревку. – Зачем дополнительно возиться с шлюпкой, рискуя привлечь внимание?

Ответа на этот вопрос у меня не было. Я вернулась к рассматриванию ужасных мечей. Одно ясно наверняка: совершивший это человек обладал недюжинной силой. Я поняла, в чем странность.

– Почему никто не слышал криков? Она наверняка звала на помощь. Представить не могу, что человек будет молча стоять, пока его протыкают одним мечом, не говоря уже… – Я посчитала мечи, борясь с дурнотой. – Не говоря уже о семи. Должен же быть хоть один свидетель.

Дядя снял очки и потер их о рукав. Наверное, ему не терпелось перенести тело в нашу импровизированную лабораторию.

– Уверен, что осмотр даст ответы на некоторые вопросы. Идите переоденьтесь и присоединяйтесь ко мне в лаборатории. – Он отвернулся, но помедлил. – Томас, проводи Одри Роуз. И убедись, что Лиза под присмотром миссис Харви. Я

прослежу, чтобы всех опросили насчет сегодняшнего вечера.

– Да, дядя.

Я в последний раз посмотрела на место преступления.

– Семерка Мечей, – произнес глубокий холодный голос, напугав меня. Мы с Томасом подняли глаза на вновь прибывшего. Мефистофель сунул руки в карманы и присвистнул. – Перевернутая. Плохой знак. Хотя это и так очевидно, не правда ли?

– О чем вы говорите? – спросила я, уже раздосадованная его присутствием. Он даже не потрудился снять маску, не дай Бог мир увидит его истинное лицо. – Что это значит?

– Воистину, никто из вас не заметил, что она выглядит в точности как Семерка Мечей таро?

В ответ на наши непонимающие взгляды Мефистофель достал из внутреннего кармана колоду карт. Он перебрал их и вытащил одну эффектным жестом, неуместным на месте преступления.

– Есть сходство? Погодите. Что-то не то… ах… вот. – Он перевернул карту. – Перевернутая Семерка Мечей обманчива. Хитрость. Позор. Может также означать, что кто-то решил, будто избежал наказания. – Он показал на тело. – Кто-то очень тщательно продумал эту сцену.

Томас прищурился.

– Вы ужасно беспечны, а ведь ваш карнавал славится тем, что использует для своих представлений карты таро.

Мефистофель убрал карты обратно и похлопал по карма-

ну. Он заметил, что я вглядываюсь, пытаясь увидеть выпуклость на ткани. Он поплотнее запахнул пальто и улыбнулся.

– Хотите поискать карты? Гарантирую, что вы их не найдете, но будет весело.

Я прижала руки к бокам.

– Возможно, капитану следует бросить вас в карцер.

– Это было бы досадно, – сказал Мефистофель. – Видите ли, перед началом шоу я заявил о пропаже кое-каких вещей. Веревка. Карты таро. И… что же еще… – Он почесал подбородок в притворной задумчивости и рявкнул: – Точно. Мечи. Целая связка. На самом деле, похоже, они нашлись. Хотя сомневаюсь, что Цзянь теперь захочет взять их обратно. Смерть не способствует бизнесу.

– Вы отвратительны, – произнесла я, не в силах более сдерживаться. – Женщина мертва, убита самым жестоким образом, а вы умудрились превратить ее смерть в посмешище.

Мефистофель уставился на меня, словно впервые по-настоящему заметив личность за внешностью.

– Мои искренние извинения, мисс. У меня больше нет информации, кроме той, что я сообщил. Очень печально, что убили еще одну женщину, но мой карнавал тут ни при чем. Я не могу допустить, чтобы люди начали верить… или бояться посещать мои шоу. Многие мои работники зарабатывают этим на жизнь. Предлагаю вам обратить свои взоры куда-нибудь еще.

Он в последний раз посмотрел на тело и пошел прочь. Я плотнее запахнула фрак Томаса. Когда человек так громко кричит, что невиновен, начинаешь больше задумываться о его вине.

– Идем. – Томас подал мне руку. – Я провожу тебя до каюты.

Пока мы шли, я взглянула на воду и тут же пожалела об этом. В ночи она казалась темным волнующимся зверем. Свет тоненького месяца отражался от поверхности – тысяча крохотных глазок следила за нами, мигая и сверкая. Что еще видела сегодня молчаливая вода и какие еще секреты она хранит? Скольким преступлениям она была сообщницей, поглотив тела?

Глава 7. Самое жестокое убийство

Каюта Одри Роуз
Королевский почтовый пароход «Этрурия»
2 января 1889 года

Томас оставил меня у двери в мою каюту, пообещав скоро вернуться и увести на вскрытие. Войдя, я обнаружила на кровати Лизу, которая морщила нос над криминалистическим журналом.

– Не пойми меня неправильно, дражайшая кузина, но как ты спишь? – поинтересовалась она, показывая на изображение вскрытого тела. – Жутковато читать такое на ночь.

– Лиза… что…

– Нет, ну правда. – Она посмотрела на название. – «Анализ ран, нанесенных режущими орудиями»? – Лиза пролистала журнал и остановилась на странице с иллюстрациями. – Это ужасно, кузина. Даже для тебя. Это что, внутренности?

Она прижала палец к горлу, изображая рвотные позывы.

– Твоя мама в полном отчаянии. – Я решила не комментировать то, что обычно читаю на сон грядущий, хотя Лизины познания в анатомии меня впечатлили.

Она положила журнал на тумбочку и встала.

– Они с папой распространили слухи, что ты нездорова.

Полагаю, все думают, что ты лечишься в Торнбрайере. Хотя мой отец считает, что ты можешь быть мертва.

– Они не могли придумать что-нибудь более романтичное? – поморщилась Лиза. – Загородный дом твоего отца большой, но скучный. Надо было написать маме и предложить несколько собственных идей. – Она взяла с тумбочки трефового туза. – Ты знаешь, что четыре карточных масти связаны со стихиями?

– Нет.

Она улыбнулась исключительно глупой улыбкой, которая наводила на мысль о том, что сейчас мне преподнесут что-то особо приторное.

– Гарри такой выдумщик. Клянусь, он может из самой простой вещи сделать нечто невероятное. Он утверждает, что все можно правильно продать. Зачем называть духи духами, когда это может быть любовный туман?

– Гарри? – Я села на кровать рядом с кузиной, теребя складки юбки. – Что… во имя королевы, почему ты сбежала с человеком, которого едва знаешь? Надеюсь, он не заморочил тебе голову какой-нибудь неправдоподобно складной историей?

– Большинство историй слишком хороши, чтобы быть правдой. Поэтому они так очаровательны.

– И опасны, – пробормотала я.

Лиза положила карту и склонила голову мне на плечо, как делала, когда мы были детьми и играли в садах Торнбрайера.

– Мне за многое следует благодарить судьбу – столько возможностей, которых другие люди даже не представляют, и тем не менее каждый раз, когда я примеряю новое платье для дебютного бала, я чувствую, что меня душат. Я проживала жизнь, не наслаждаясь ею. Я ходила в шелках, но с таким же успехом могла носить шипы.

Я вздохнула. Мне было хорошо знакомо это ощущение.

Она придвинулась ко мне и понизила голос:

– Разве ты никогда не хотела стать кем-то другим? Хотя бы ненадолго. Или не кем-то другим, а, может, стать собой настоящей? Жить как тебе заблагорассудится, не боясь последствий и осуждения. Я знаю, что это все может оказаться ужасной ошибкой – более искусной иллюзией, чем те, что показывают на карнавале, но я впервые стала хозяйкой своей судьбы. Я словно освободилась из клетки и наконец опять могу дышать. Как я могу отказаться от такой свободы?

Чувство вины вонзило в меня свои зубы. Я точно знала, на что это похоже – нести на себе оковы чужих ожиданий. Все люди заслуживают жить свободно и с достоинством. Основное право не должно быть роскошью. Я обняла кузину и прижалась к ней лбом.

– Итак… расскажи мне о Короле карт. Я хочу узнать все подробности, пока готовлюсь к вскрытию.

– Что ж, наверное, надо начать с самого начала.

Я слышала улыбку в голосе Лизы, когда та перечисляла все способы, которыми мистер Гарри Гудини сводил ее с

ума. Я была сильно заинтригована, хотя по мере того, как она рассказывала, меня все сильнее терзало беспокойство. Я не разделяла ее восторженного отношения к человеку, который может погубить ее из прихоти, особенно потому, что он не предлагал ей руку и сердце. Похоже, Гудини терять нечего, и расплачиваться придется Лизе. Я попыталась заглушить тревогу и поддержать Лизу, как она поддерживала меня. Она говорила и говорила, пока не пришел Томас, и пообещала закончить рассказ, когда я вернусь.

Я собралась идти, но оглянулась.

– Хорошо, что ты здесь.

– Конечно, глупенькая. Держу пари, ты без меня скучала. А теперь иди. – Она улыбнулась и взяла мой журнал по анатомии, словно собиралась его изучать. – Я никуда не денусь.

Я шагнула было к двери, но застыла.

– Лиза? Ты не заметила, чтобы кто-нибудь из карнавальной труппы вел себя странно?

– Ты же не думаешь, что кто-то из моих новых друзей виновен в этих зверствах? – Она выпрямилась и прищурилась. – Нет. Я ничего не слышала и не видела, знаю только, что они тоже боятся.

– Я не имела в виду…

– Ступай и реши эту ужасную загадку ради всех нас. Клянусь, я буду здесь, когда ты вернешься.

Лиза поклялась, и я надеялась, что она сдержит слово.

* * *

Я не могла отделаться от мысли, что светильник над нашим импровизированным столом для вскрытия гудит как умирающая пчела. Легкое жужжание и мерцание не улучшали моего настроения. Дядя снял с жертвы покрывало.

Я рассматривала ее пшеничного цвета волосы, умиротворенное лицо. Пока я не перевела взгляд ниже, невозможно было представить, насколько жестоким было это убийство. В ее теле было в общей сложности четырнадцать отверстий, по одному на каждой руке и ноге и десять на туловище. Сквозные раны от мечей. Мне захотелось закрыть глаза, но это ничего не изменило бы. Жертва по-прежнему будет мертва, а мне по-прежнему придется искать улики, чтобы выяснить, почему ее убили. Я содрогнулась, вспомнив, как ее смерть была обставлена в соответствии с картой таро.

– Приступай к осмотру, Одри Роуз. – Дядя уже закончил мыть руки и протянул Томасу блокнот и карандаш. – Пожалуйста, начни на этот раз с ран.

– Да, сэр. – Я откашлялась и обошла вокруг тела, осматривая. – Кожа вокруг обеих лодыжек немного стерта, но веревки в нее не врезались. Глубокие следы указывали бы на то, что она была жива и сопротивлялась в путах. Поскольку их нет, похоже, что она не сопротивлялась, следовательно, уже была мертва.

– Хорошо. Что еще?

Я опять посмотрела на лицо покойной, прикусив губу. Его озаряла какая-то безмятежность. У нее подведены глаза, но краска не размазана. Странно, что на лице женщины, умершей таким чудовищным образом, нет следов слез. Я указала на эту улику.

– Краска на глазах у жертвы в полном порядке, – сказала я. – Либо преступник накрасил ее после смерти, во что я не верю, либо мы найдем в ее организме какие-то вещества. Сомневаюсь, что эта женщина была в сознании, когда на нее напали.

– Блестяще. – Томас оторвался от конспекта и посмотрел на меня. – Ногти у нее тоже не обломаны. Нет никаких признаков ран от самозащиты.

– Что также объясняет, почему она не кричала, – заметила я, продолжая осмотр. – Когда ее повесили вверх ногами, она либо уже была мертва, либо без сознания.

Дядя склонился над одной раной.

– Полагаю, факты укладываются в эту теорию. Посмотрите на порезы. О чем они говорят?

Я подошла к дяде, чтобы рассмотреть поближе. Сначала я не поняла… порезы были жуткими, потом меня осенило. Кровь была, но никаких синяков.

– Похоже, мечи втыкали в мертвое тело.

– Очень хорошо. Причина смерти?

Я прекратила рассматривать покойницу. Передо мной ле-

жала головоломка, которую нужно решить. Я оттянула веки девушки.

– Точечных кровоизлияний нет. Синяков на шее тоже. – Я обошла стол. – Определенно, она не задушена. Боюсь, без вскрытия точную причину смерти не установить. Хотя, судя по отсутствию других признаков, мы можем предположить отравление.

Резко остановившись, Томас уронил блокнот и поднял руку жертвы. Наклонился ближе и опустил ее с мрачным видом.

– Похоже, ей сделали укол. Или кровопускание. Взгляните сюда. Такую отметину может оставить маленький шприц. – У меня учащенно забилось сердце. – Мы знаем на борту по крайней мере одного доктора.

– Который связан с первой жертвой, – добавил Томас. – И он не горел желанием видеть нас поблизости от его пациента.

– Доктор Арден признался, что давал тоник главному судье Прескотту.

Я испытала растущий страх.

– И обоих Прескоттов не было в обеденном салоне.

Я думала, что они предпочли остаться в своих каютах, скорбя о дочери. Но что, если они не смогли выйти?

– Я знаю, он сказал, что его не будет, но заметил ли кто-нибудь из вас на сегодняшнем представлении доктора Ардена?

Дядя покачал головой.

– Я его не видел. И главный судья Прескотт не ответил, когда я опять зашел к нему перед ужином. Казалось, что в каюте никого нет. Не слышно никакого шороха. Странно, если оба были там, как заявляли.

– Что ж, тогда… – Томас схватил нашу верхнюю одежду. – Давайте проверим их еще раз. Возьмем с собой капитана.

– Не нужно. – На пороге стоял капитан Норвуд. Его лицо казалось более уставшим, чем когда я в последний раз его видела. – Я сам пришел сообщить вам новости.

Я накрыла тело, надеясь, что выказала покойной столько уважения, сколько могла. Слегка позеленевший капитан отвернулся от трупа.

– Члены моей команды посетили все каюты первого класса в поисках свидетелей. Но…

– Сэр, полагаю, мы нашли виновника, – сказала я, не желая тратить время. Нужно проверить Прескоттов. Надеюсь, мы не слишком опоздали. – Необходимо немедленно найти и задержать доктора Ардена. Он был последним…

– Простите, мисс Уодсворт, – перебил капитан. – Боюсь, вы все ошибаетесь.

Он снова взглянул на прикрытое тело и тяжело сглотнул.

– Понимаете… мы поговорили со всеми… и мисс Арден, дочь доктора, пропала.

Он достал из кармана фотографию и протянул нам. Я отшатнулась, ощутив дурноту.

– Это та девушка, что лежит на вашем столе, да?

Потеряв дар речи, я уставилась на фотографию, медленно переваривая новую информацию и ее значение для нашего дела. Если наша жертва – дочь доктора Ардена и если они не конфликтовали, то с доктора снимались подозрения. Нам нужно начинать заново, и эта задача обескураживала.

– Но это же не все, что вы обнаружили? – Дядя кивнул на другой лист бумаги, который торчал из кармана капитанского кителя.

– Хотелось бы, чтобы это было все. – Норвуд вздохнул и достал записку. – Еще одна семья требует, чтобы мы расследовали исчезновение их дочери. Прошу вас всех пойти со мной.

У меня подогнулись колени. Уже… возможно, еще один труп. Томас поймал мой взгляд. Слова были не нужны – два трупа и, возможно, третий всего за два дня. Мы имеем еще одного профессионального убийцу. Который только что начал свои темные дела.

* * *

На полу каюты первого класса, принадлежавшей мисс Креншо, расстилалась алая ткань, как свежая кровь, уродливая рана в остальном безупречном помещении. Я встала, уперев руки в бока, и принялась рассматривать шелк так же, как, наверное, и Томас рядом со мной, пытаясь отделить порядок от хаоса. Это была грандиозная задача, особенно при

том, что я сознавала необходимость проявлять осторожность под обжигающими спину взглядами ее родителей. Не нужно обладать дедукцией Томаса, чтобы понять: им мои заключения не понравятся.

Хотя, если честно, ее участь была гораздо лучше той, которую я изначально предполагала. Я чуть ли не до косоглазия всматривалась в измятое платье, надеясь найти какую-нибудь улику, подсказавшую бы нам, куда пропала его хозяйка. Улику, которая не вызовет обморока или скандала. Лорд Креншо был влиятельной фигурой, и я знала, что репутация и доброе имя его семьи имеют первостепенное значение.

Я опять сосредоточилась на платье. Ткань была превосходной – насколько я могла судить, лучшая во всей Европе. Единственное заключение, которое я могла сделать, – это просто позор – так небрежно бросать его на пол.

Мисс Креншо могла быть беспечна по натуре, но это не означает, что она убита. Если убийства не было, значит, она сбежала… А молодая, незамужняя девушка обычно не убегает в одиночку. Один взгляд на родителей заставил меня задаться вопросом, что бы предпочли они. Скандал такого рода сам по себе был смертью.

На тумбочке стояли два бокала из-под шампанского и недоеденное шоколадное пирожное, что усилило мои подозрения насчет того, что девушка была не одна.

Я переключила внимание на дядю, но он был занят тем, что наблюдал за персоналом, прибирающимся в спальне, и

следил, чтобы они не испортили никакие криминалистические улики. После того, что случилось с дочерью доктора Ардена, все балансировали на лезвии скальпеля.

Я искоса посмотрела в иллюминатор, припоминая поток людей, работавших в порту перед нашим отплытием вчера. Так легко было затеряться в толпе.

– Вы утверждаете, что ваша дочь пропала вчера? До отплытия?

Они кивнули.

– Вы спрашивали ее горничную? – Я потрогала платье носком собственной расшитой шелковой туфли. – Кто-то должен был помочь ей снять этот наряд. Лиф довольно сложный. А шнуровка на спине? Сама она бы с ней не справилась.

Томас одобрительно поднял темные брови, но ничего не сказал. Я следила за ним уголком глаза, заметив, что он борется с улыбкой. Я упустила что-то, что его позабавило?

– Конечно, это не указывает на убийство, – сказал лорд Креншо. Я заметила, что он не ответил на мой вопрос. Я отвела взгляд от его выразительных белых усов. – Возможно, наша дочь навещает другого пассажира. Или передумала и вернулась в Лондон еще до отплытия.

Готовый ухватиться за любую соломинку и спасти репутацию судна, капитан Норвуд охотно согласился.

– Могу авторитетно заявить, что не впервые пассажир решает сойти с корабля. На некоторых морские путешествия наводят страх.

– Да, – с надеждой ответил лорд Креншо. – Возможно, так и есть. Элизабет смертельно боялась воды. Может, она решила не устраивать шумиху и уехала домой. Она еще вчера утром говорила, что нервничает. Тогда мы видели ее последний раз.

– Она никого не взяла с собой? Компаньонку? – спросила я, видя замешательство на лице леди Креншо.

Хорошенькая история, но большинство сказок имеют темную сторону, особенно когда дело касается судьбы принцессы.

– Лакея или горничную?

– Я… Я не думаю, что пропал еще кто-то, – сказала леди Креншо. – Но Элизабет бы не… она такая хорошая девочка. Наверное, она не хотела испортить нам путешествие. Она не девка из низшего класса.

Вспыхнув, я с трудом сдержала резкий ответ. Если бы дочь была сыном, сомневаюсь, что ее бы так называли. И ее положение не имеет к этому никакого отношения. Множество менее богатых семей более воспитаны, чем только что показала леди Креншо.

– Ничего ценного не пропало? – спросила я. – Драгоценности, безделушки…

Леди Креншо покачала головой.

– Только кольцо с изумрудом. Но Элизабет никогда его не снимала.

– Вы точно уверены? – настаивала я.

– Я никому не позволила копаться в ее вещах.

Леди Креншо открыла шкатулку с драгоценностями, порылась в ней и нахмурилась.

– Еще пропала нитка жемчуга. Я… я правда не знаю, имеет ли это какое-то отношение к исчезновению Элизабет.

Томас прикусил нижнюю губу, это всегда указывало на какую-то внутреннюю борьбу.

– Она была одна? Я вижу два бокала для шампанского, на одном следы губной помады, на другом их нет, – сказал он. – Еще один очевидный вывод: ее раздел любовник после того, как они выпили.

Все в каюте ахнули. Я обратила глаза к небу, спрашивая высшие силы, если те существуют, чем я им так досадила. Это было как раз то, что все мы подозревали, но не произносили вслух. Даже дядя застыл.

– Это объясняет брошенную второпях одежду, – добавил Томас, не смущаясь внезапным молчанием. – Смятую постель и последующее отсутствие мисс Креншо. Возможно, она сбежала с кем-то и не пожелала рассказать родителям. Могу предположить, что этот кто-то ниже ее по статусу. Это все тем более правдоподобно, что ее наволочка запачкана чернилами. Как будто на нее оперся человек, который работает руками. И на бокале тоже пятно.

– Как вы смеете! – воскликнул лорд Креншо, в одно мгновение побагровев. Интересно, что его больше рассердило: мысль о том, что мисс Креншо сбежала, или что, возмож-

но, она сделала это с человеком более низкого статуса. – Наша дочь на такое неспособна… даже предположение о таком неблаговидном поведении…

– Дорогой, держи себя в руках. – Леди Креншо приобняла его. – Оставь их здесь и отправляйся в постель. Элизабет дома в Лондоне. Мы ей напишем, когда через неделю прибудем в Нью-Йорк. Это все глупое недоразумение.

Прежде чем выйти из каюты, лорд Креншо сдержанно кивнул капитану и наградил Томаса суровым взглядом. Когда они удалились, я опять оглядела каюту. Никаких признаков борьбы или пятен крови. Судя по брошенному на пол платью, убийца не стал бы тратить время на отмывание стен от крови, а оставил кровать и платье скомканными. Особенно если вспомнить драматичность ситуации, в которой мы нашли последнее тело. Хотя второй бокал беспокоил. Тот, что с пятном.

Очень похоже на предположение Томаса: девушка выбрала для себя иной путь. Проведя полчаса с ее родителями, я бы сказала, что ей давно пора было сбежать. Еще час с ними, я и сделала бы то же самое.

Дядя заглянул в уборную, осмотрелся и поправил очки.

– Похоже, везде порядок, капитан. Согласно предварительному осмотру, я полагаю, что преступления здесь не было. Видимо, девушка, – он встретился со мной взглядом, – чересчур свободолюбивая для ее семьи.

Капитан Норвуд явно испытал облегчение. Наверное, если

бы сегодня нашлось еще одно тело, он поплыл бы обратно в Англию в шлюпке.

– Тогда замечательно. Оставшаяся часть пути должна пройти гладко. Слишком высоки ставки и для путешествия, и для меня самого. – Он выдохнул. – Идемте. Давайте я провожу вас в каюты. Вы уже посмотрели на дополнительные паруса?

Он положил руку на плечо дяде, направляя его к прогулочной палубе.

– Поистине замечательно. Если поддать пару, это судно может резать океан как рождественский окорок.

– Великолепно, – пробормотал Томас. – Океанский лайнер как нож, режущий солонину. Если это не признак роскоши, то тогда не знаю, что ею является.

Я в последний раз обвела взглядом каюту, но не увидела ничего необычного. Тем не менее на душе у меня было неспокойно. Я не стала заострять на этом внимание. Третья девушка не убита во второй вечер на борту. Откровенно говоря, это было бы чересчур ужасно даже для убийцы, который вонзил в труп семь клинков и изобразил карту таро. Томас подал руку, и я ее приняла, покидая пустую каюту, хотя беспокойство зудело, как попавшая под кожу заноза.

Глава 8. Что значит имя?

Каюта дяди Джонатана
Королевский почтовый пароход «Этрурия»
3 января 1889 года

Лиза скрестила руки на груди, тщательно контролируя выражение лица. Если бы они с дядей играли в шахматы, это говорило бы о ее решимости выиграть. Хотя одного взгляда на дядю хватило, чтобы понять: он настроен так же. Упрямство у Уодсвортов в крови. Это противостояние могло продолжаться часами.

– Я не могу отказаться выступать сегодня, – сказала она. – Мы репетировали целую неделю. Будет невежливо просто взять свое слово обратно.

– Твое слово? – Дядя глубоко вдохнул, чтобы не взорваться, как петарда. – Если под своим «словом» ты подразумеваешь, что согласилась помогать молодому человеку, с которым сбежала, возможно погубив наше доброе имя и практически разбив сердце своей матери, то извини меня, если я не вижу в этом чести. Или ты отправишь этому Гудини записку, или я запру тебя в каюте до самого Нью-Йорка. Нам придется сразу же ехать обратно, чтобы я препроводил тебя в Лондон. Не ухудшай свое положение, не зли меня еще больше.

Лиза умоляюще посмотрела на меня, но я мало чем могла

помочь.

Она похлопала ресницами, и я смягчилась. Я повернулась к дяде, надеясь найти хоть один разумный аргумент.

– Сэр, можно я скажу?

Дядя поднял брови.

– Одри Роуз, я предупредил, чтобы ты не испытывала мое терпение, иначе разделишь участь своей кузины и будешь заперта в своей каюте.

Я выдохнула, чувствуя себя канатоходцем. Дядя был в таком дурном настроении, что один неверный шаг – и прощай свобода, за которую я столько боролась.

– Понимаю, сэр. Я… Я хотела сказать… артисты носят маски.

– Очень тонкое наблюдение.

Я стиснула зубы. Огрызаться бесполезно, хотя мне очень хотелось.

– Суть вот в чем: если вы любезно разрешите Лизе выступить сегодня вечером, никто ничего не узнает. Ее личность останется в тайне, а наше имя в безопасности.

Дядя открыл было рот, чтобы возразить, но я перебила его, разыграв, как надеялась, козырную карту.

– Потом она пообещает больше никогда не выходить на сцену. Правда, Лиза?

Она недоверчиво взглянула на меня, словно я предала ее сразу после спасения. Я смотрела ей в глаза, пока она наконец не вздохнула.

– Я обещаю, дядя. После этого вечера я больше не буду участвовать в представлениях. Я только закончу то, что должна.

Дядя мерил шагами маленькую каюту, время от времени останавливаясь, чтобы глянуть в иллюминатор.

– Надо ли напоминать вам обеим, что во время этого плавания уже убиты две девушки? – Мы с Лизой переглянулись. – А вы хотите, чтобы я потакал безрассудному поведению. Вы считаете, это мудро?

Он снова повернулся к нам, сцепив руки за спиной.

– После сегодняшнего представления ты будешь подчиняться абсолютно всем правилам, которые я установлю, пока мы не вернемся в Лондон. Ты поняла?

Лиза медленно кивнула, не отрывая взгляда от своих усыпанных драгоценными камнями туфелек.

– Да, сэр.

– Позволь мне выразиться предельно ясно, – продолжал дядя. – Если ты хотя бы подумаешь сделать что-то недопустимое, я посоветую отправить тебя до конца жизни в приют для душевнобольных. Подозреваю, что твоя матушка прислушается к любому моему диагнозу.

Я почувствовала, как кровь отлила от лица. Это было одно из худших наказаний, особенно в устах дяди. Я тайком взглянула на кузину, но она казалась скорее расслабленной, чем расстроенной. Однако лекция еще не закончилась.

– Ты несешь ответственность за все, что может случить-

ся, – обратился дядя ко мне. Я выдержала его взгляд, хотя мне хотелось сползти на пол. – А сейчас прочь с глаз моих, пока я не передумал.

Я схватила Лизу за руку и быстро подчинилась. Как только мы оказались на прогулочной палубе, кузина взяла меня за вторую руку и закружила.

– Это было гениально! Поверить не могу, что он к тебе прислушался. Мне надо научиться твоим секретам! Я была почти уверена, что он без промедления запрет нас обеих.

Я мягко высвободилась из Лизиной хватки и уставилась на океан. Это было первое солнечное утро, и свет, отражавшийся от волн, почти ослеплял.

– Лиза… – Я провела по лицу рукой в перчатке. – Наверное, тебе стоит отказаться. Дядя был резок, но он прав. Убиты две девушки. И я… если быть абсолютно честной, меня тревожит, что это мог совершить кто-то из карнавальной труппы. Кто еще станет оформлять место преступления как карту таро?

Лиза мгновение внимательно посмотрела на меня и притянула к себе.

– Ты слишком тревожишься, кузина. И я думаю… я знаю, если ты познакомишься с другими артистами, то перестанешь их подозревать. На самом деле они весьма милые.

Она сделала шаг назад, все еще держа меня за плечи. Ее лицо просияло, как будто его позолотило солнце.

– У меня есть идеальное решение. Ты должна с ними по-

знакомиться! Идем. Мы поздороваемся, и ты сама все увидишь. Они безобидные.

– Не думаю… – Я взглянула на полное надежд лицо кузины и уступила. – Хорошо. Представь меня своим новым друзьям.

* * *

Я внимательно осматривала царивший в помещении хаос. Капитан Норвуд выделил карнавалу пустой грузовой отсек, и они использовали в нем почти каждый дюйм. Женщины балансировали на канатах, клоуны тренировались прыгать через бочки и барабаны, девушка приблизительно нашего возраста, покрытая татуировками, изображающими львов и тигров, заставляла настоящих хищников прыгать через обручи, а еще одна женщина глотала сгусток огня, словно простую булочку. Я ахнула.

– Во имя королевы, что…

– Аниша, Туз Жезлов. Выступление каждого артиста основано на карте таро, которую он представляет. – Лиза посмотрела, как девушка глотает еще один горящий факел. – Девушка на трапеции – Кассиопея. Мы зовем ее Императрица. Она любимица Мефистофеля и очень кичится этим.

Услышав это имя, я невольно стала искать глазами его обладателя. Мне было любопытно, как выглядят его репетиции. Я представила, как он гордо вышагивает с самодоволь-

ным видом.

– Его здесь нет, – добавила Лиза, подняв бровь. – Он все время сидит взаперти в каюте, работая над механическими изобретениями.

– О.

Я повернулась к Кассиопее. Она перескочила с одной трапеции на другую, грациозно перевернувшись, словно комета. Ее волосы струились длинными платиновыми волнами, добавляя воздушности. Она была ошеломительна. Я смотрела, как другие воздушные гимнастки скользят вниз по канатам и снова взбираются по ним наверх. Казалось, что они заколдовали силу тяжести, как и меня.

– Как они управляются с канатами и шлейфами?

– Собственным весом и частыми тренировками. Не позволяй их миниатюрности обмануть тебя, – добавила Лиза. – Они сильнее большинства мужчин.

Мужчина в черно-белом полосатом трико обхватил голову рукой и пригнул вплотную к плечу. Я застыла, разгадывая принцип действия, сердце глухо забилось.

– Он сместил плечевой сустав! – прошептала я Лизе. Человек-змея проделал то же самое с другим плечом, потом опустился на пол, свернувшись крендельком. Я непроизвольно дернула губой. – Это не может идти на пользу его здоровью. Такой износ связок…

Я посмотрела на развеселившуюся Лизу. Она покачала головой.

– Это Себастьян Круз. Его выступления пользуются успехом. – Она наклонилась ближе. – Я слышала, что он пользуется своим талантом, чтобы прятаться в сундуках, когда ничего не подозревающие мужья возвращаются домой.

Я легонько шлепнула ее по руке.

– Это ужасно.

– Ужасно скандально, – улыбнулась Лиза. – Если верить слухам, на судне он попал в неприятности. Его называют Верховный Жрец: должно быть, он любимчик Бога, если все время умудряется выбраться из таких скандальных ситуаций.

Я еще несколько мгновений смотрела на него, завороженная тем, как он складывает свое тело. Потом вдруг вспомнила.

– Где твой Гудини?

– Скорее всего с Мефистофелем, – вздохнула Лиза. – Эти двое вечно совещаются, придумывая новые способы поразить публику. Я познакомлю вас вечером после представления.

Если не случится еще одно убийство. Тогда я буду знакомиться с трупом. Эта мысль испортила все впечатление от репетиции. Теперь при взгляде на артистов по мне словно ползали могильные черви. Даже без зрителей они все носили маски, скрываясь от мира и друг от друга. У одной стены стояла большая вращающаяся доска с концентрическими окружностями, из-за нее вылетали петарды. Цзянь Юй

один за другим метал кинжалы в центр мишени, последний воткнулся в рукоять предыдущего. Под шелковым платьем меня охватил озноб.

– Что за мужчина с Цзянем? – спросила я, глядя, как он с усилием выдергивает кинжалы из доски. – Помощник?

– Боже, нет. Это Андреас, Шут.

Я фыркнула.

– Я думала, такое сценическое имя подошло бы Мефистофелю.

– Брось, кузина. Мефистофель не так уж плох, как ты о нем думаешь. Он настоящий Маг. Один из лучших, что я видела. Гарри им восхищается и постоянно болтает о его гениальности. Он невероятно изобретательно использует науку и математику. Он тебе в самом деле понравится, если ты дашь ему шанс.

Я сумела не закатить глаза. Похоже, все были убеждены, что хозяин карнавала не способен на плохие поступки. И хотя меня интриговала его наука, я не хотела в этом признаваться. Я кивнула на Андреаса.

– Так почему его зовут Шутом?

– Он утверждает, что его магическое зеркало показывает будущего супруга. – Она покачала головой. – Самое печальное, что он сам в это верит. Я смотрелась в него, но оно так и не сообщило, кто станет моим мужем. Я видела лишь свое искаженное отражение да неприличное количество паутины. Что там точно водится, так это пауки!

– Зачем тогда Мефистофель его держит, если он бесполезен?

Лиза посмотрела на меня, словно я ляпнула какую-то глупость.

– Он невероятно зрелищно предсказывает судьбу. Его шатер один из самых посещаемых. Он будет курить тебе фимиам и вещать с мрачным загадочным баварским акцентом. Кроме того… – Она пихнула меня в бок. – У него интересная внешность. Не красавец, но в определенном роде привлекательный.

– А что…

– Ей тут не место.

Мы с Лизой развернулись и уперлись в массивный нагрудник. Я подняла глаза и с трудом сглотнула. Цзянь перевел сердитый взгляд на Лизу.

– И ты здесь еще не своя.

– Цзянь, не будь таким противным. Это неприлично. – Кузина лишь закатила глаза. – Она не посторонняя, она моя кузина, мисс Уодсворт. Дочь лорда, так что прояви хоть капельку уважения.

Цзянь направил на меня один из кинжалов. Его руки покрывали шрамы, наверное, результаты неудач на тренировках.

– Вам не следует здесь находиться, мисс.

Лицо Лизы стало почти пунцовым, но я не дала ей взорваться и вежливо улыбнулась.

– Мистер Юй, приятно с вами познакомиться. Впечатляющее владение кинжалами. Вы, должно быть, много тренируетесь.

Его губы изогнулись, видимо, в попытке улыбнуться, но вышло больше похоже на оскал.

– Иногда я использую движущиеся мишени. Так интереснее.

Я прищурилась.

– Вы когда-нибудь промахивались по живым мишеням?

– Однажды.

Не вдаваясь в подробности, он вернулся к неподвижной мишени и стал метать в доску один кинжал за другим. Вокруг полетели щепки, и Андреас отпрыгнул в сторону. Чтобы нанести такие повреждения, необходимо обладать недюжинной силой – такой, которая нужна, чтобы воткнуть семь мечей в труп и подвесить его.

– Я ужасно сожалею, – сказала Лиза, пока мы выходили из зала для репетиций. – Артисты настороженно относятся к посторонним.

– Ты не посторонняя, – заметила я. – А он был не очень-то вежлив с тобой.

– Как только я приму их как родню, наша связь станет нерушимой, – сказала Лиза, словно цитируя какое-то странное руководство артистов. – Но ни секундой раньше.

Глава 9. Король наручников

Обеденный салон
Королевский почтовый пароход «Этрурия»
3 января 1889 года

Сегодня вечером сцена была убрана в серебристое и серое – словно через трещины в корпусе корабля проникал лунный свет и падал на осколки стекла или, в этом случае, на хрустальные графины и усыпанных драгоценностями зрителей. Ужинающие прервались, глядя на артистов, которые прошествовали по салону на ходулях. Их движения были на удивление грациозными, несмотря на длинные шесты.

Все детали их костюмов были серебряными, от масок до расшитых блестками башмаков. Клочья тюли невесомо вздымались каждый раз, когда артисты делали шаг на своих высоких импровизированных ногах. На самом деле ходули напоминали мечи. Воплощение сверкающей красоты, лезвия могли в любой момент упасть и поразить тех, кто меньше всего этого ожидает.

Пока дядя и миссис Харви вели теплую беседу за ужином, я пялилась на крутящиеся жезлы, завороженная серебряными и белыми лентами, прорезающими воздух. На создание нарядов ушло невероятно много труда и мастерства. Интересно, чьи это такие великолепные стежки? Возможно, эти

мастера служат королеве, хотя я предполагала, что их нанял другой властитель.

– У тебя такой вид, будто ты размышляешь о том, как сшивать тела.

Я резко повернулась к Томасу, который усмехался, сидя над жареной уткой. Он так хорошо меня знал, что порой это пугало. Он поднял бокал.

– Надо за это выпить. Очень хорошее шампанское – пузырьки ударяют прямо в голову. Не волнуйся, – подмигнул он, – когда ты после нескольких бокалов будешь танцевать на столе, я к тебе присоединюсь.

– Сообщник по преступлениям и распутству, – ответила я, чокаясь бокалами. – Мне действительно повезло.

Похоже, это заявление Томасу понравилось.

Огни погасли, возвещая о том, что представление вот-вот начнется. Я поерзала, глядя на ведущего, который поспешно взошел на сцену в клубах дыма под звуки цимбал. Его сшитый по фигуре костюм был таким черным, что хоть уголь из него добывай. Маска и жилет сегодня оказались алыми, красный витой шнур вокруг цилиндра напоминал брызги крови. Смелый, но подходящий выбор, учитывая то, что случилось. Я постаралась не обращать внимания на то, как его сапоги до колен притягивали взгляд, даже если глаз упорно желал оставаться на его проклятом лице.

Томас рассматривал молодого человека в той же манере, с какой изучал тела. Я не знала, хочет ли он его убить или

же вскрыть его секреты.

– Леди.

Мефистофель обошел сцену. Отразившиеся от маски лучи прорезали болтающую толпу и заставили смолкнуть большинство разговоров.

– Сегодняшнее представление настолько ужасающе, что вы можете упасть в обморок. Однако… – Он достал маленький хрустальный пузырек. – У нас есть нюхательные соли для любых припадков и слабости. Не стесняйтесь их просить, у наших артистов на ходулях их предостаточно. Если нужно, обращайтесь к ним.

Он дал знак кому-то за кулисами. Никто не появился, видимо, это был сигнал для какого-то действия за сценой. Я проглотила кусочек жареной утки, которая вдруг застряла у меня в горле. Я надеялась, что с Лизой все в порядке.

– Леди и джентльмены. – Мефистофель расхаживал по краю сцены. – Можете отвернуться, если у вас есть медицинские противопоказания. Особенно болезни сердца.

Он замолчал и осмотрелся. Его взгляд остановился на нашем столе.

– Для храбрых и бесстрашных, – продолжал он, – этот вечер навсегда запечатлеется как величайшее событие в жизни.

После такого смелого заявления по толпе пронесся шепот. «Лунный карнавал» был впечатляющей странствующей труппой, но даже их изумительные фокусы не могли

оправдать этого рекламного заявления. Послышались раскаты грома, Лиза с другой ассистенткой в масках выкатили большой сундук и отступили назад.

Я перевела взгляд с сундука на ассистенток. На них были расшитые блестками серебристые костюмы, по сути представленные одними корсетами, и плотные белые чулки. До меня не сразу дошло, что все выбранные цвета были палитрой ночи – луна, звезды и облака на чернильном небе. Мефистофель отразил лунное празднество в малейших деталях.

– Сегодня вы станете свидетелями невиданной прежде метаморфозы. Сегодня невозможное возможно. Из самого Эпплтона в Висконсине. – Мефистофель развел руки в приветственном жесте. – Великий. Поразительный. Человек, которого нельзя обуздать и посадить в клетку. Представляю вашему вниманию изумительного Гарри Гудини, Короля наручников!

Публика вежливо захлопала, и близко не так неистово, как самому Мефистофелю в вечер открытия. Миссис Харви подмигнула мне и подняла бокал в честь вышедшего на сцену молодого человека в смокинге. Я выпрямилась, чтобы не пропустить ни малейшей детали. Это тот самый молодой человек, у которого хватило ловкости завоевать сердце моей кузины. У него были темные волосы, разделенные на прямой пробор, а когда он широко улыбнулся, приветствуя толпу, на щеках появились ямочки.

В отличие от других артистов Гудини не носил маску. Хо-

тя было в нем что-то, похожее на напряжение в воздухе перед ударом молнии. Лиза широко улыбнулась. Казалось, все ее тело излучало радость, когда Гудини поднял руки над головой. Рокочущим голосом, удивительным для его невысокого роста, он провозгласил:

– Веревки!

Лиза достала из сундука кусок веревки, продемонстрировала публике и взмахнула ею как кнутом. Гудини повернулся, теперь он стоял спиной к зрителям.

– Довольно грубо, не правда ли? – прошептала миссис Харви. – Поворачиваться спиной – это плохие манеры… О… о, я поняла. Это нечто.

Вытянув руки за спиной, Гудини кивнул Лизе, и та молча связала их скрещенными веревками. Меня впечатлили ее мастерские узлы – тете Амелии не понравилось бы, что ее уроки вышивания применяют таким способом.

– Посмотри на узлы, – прошептала миссис Харви. – У него уйдет уйма времени, чтобы их развязать. Интересно, не припрятал ли он нож в брюках… Наверняка.

Томас поперхнулся водой, послав нашей компаньонке непроницаемый взгляд.

Лиза дергала и затягивала, едва не сбивая мастера освобождений с ног. Молодой человек за соседним столом громко сказал:

– Скучища. Держу пари, что веревка не настоящая.

Гудини развернулся к столам, его глаза вспыхнули.

– Два добровольца из публики! Кто хочет проверить мои путы?

Говоривший молодой человек вжался в стул. Вот скользкий тип. Видимо, он из тех собак, которые лают, но не кусают.

Зрители не сводили глаз со сцены. Очевидно, жаждали драматического зрелища того сорта, что разразилось вчера вечером. Двое мужчин приняли приглашение Гудини и для верности добавили к его путам еще одну веревку. Похоже, это удовлетворило толпу, хотя и не так взволновало, как напряжение, которое вызывал Рыцарь Мечей.

Я оглядела салон, не удивляясь тому, что среди зрителей нет других артистов, кроме тех, что на ходулях. Они бродили между столов, молчаливые и жуткие, как десятифутовые привидения.

– А теперь… – Гудини дернулся. – Мои наручники!

Вторая ассистентка, Изабелла, выставила напоказ наручники, королем которых он себя провозгласил. Гудини опять повернулся к нам спиной и стоял абсолютно неподвижно, пока на нем накрепко защелкивали наручники. Артист подошел к сундуку и залез внутрь, втиснувшись туго, как рулон ткани. Похоже, он брал у Себастьяна уроки пластической акробатики.

Когда на сундук опустили крышку и заперли ее, Томас поставил бокал. Лиза обвязала сундук еще одной веревкой, а затем обмотала цепью и защелкнула висячий замок. Навер-

ное, нам придется весь вечер ждать, пока Гудини откроет все эти запоры.

Разговоры стихли. Без подсказки обе ассистентки скользнули за сцену и выкатили шкаф высотой выше человеческого роста с занавесом угольно-черного цвета вместо передней стенки. Шкафом заслонили запертый сундук, скрыв его из виду. К моему вящему потрясению, Лиза вышла вперед. Сверху замигали огни, и ее маска засверкала. Прежде чем уйти за передвижной занавес, Лиза сделала широкий жест руками.

– Когда я трижды хлопну в ладоши, свершится чудо!

Она хлопнула раз, и зрители заерзали на стульях. Два – и разговоры стихли до шепота. Она хлопнула в третий раз, и все в салоне затаили дыхание, готовые ахнуть.

Гудини выскочил из-за занавеса, за которым скрылась Лиза, абсолютно свободный. Он протянул руки:

– Смотрите! «Метаморфоза»!

Он отдернул занавес, открывая сидящую в сундуке Лизу в наручниках.

Толпа ожила, а мы с Томасом переглянулись. Фокус буквально занял три секунды – они в самом деле не могли проделать такое без магии. Интересно, существует ли что-то, откуда Гарри Гудини не может выбраться.

Или ловушка, которую он не может кому-нибудь подстроить. Наша последняя жертва была подвешена за лодыжки. Возможно, мы только что нашли молодого человека, кото-

рый исполнил такой сложный трюк.

Глава 10. Сердце или голова

Женский салон
Королевский почтовый пароход «Этрурия»
3 января 1889 года

– Кузина, смотри, – прошептала Лиза с благоговением на лице. На толстом слое макияжа, вблизи, были видны трещинки, как у фарфоровой куклы, с которой от старости облезает краска. – Вон он. Мой возлюбленный.

Она с восхищением смотрела на Гудини, который стоял в другом конце переполненного помещения, и сила ее чувства накрыла меня, словно волна. Хотелось бы и мне испытать такой же восторг, но смутное чувство, которое я никак не могла определить, порождало во мне недоверие к нему.

– Разве он не самый удивительный юноша на свете?

– Он интересный, – признала я, взглянув на Мефистофеля, прежде чем посмотреть обратно на Гудини. Мои щеки загорелись, когда хозяин карнавала остановил свой взгляд на мне. Я притворилась, что не замечаю его, внимание этого молодого человека казалось опасным.

Не заметив, кто первым привлек мое внимание, кузина кивнула.

– Только посмотри, как он двигается. Все взгляды устремлены на него. Клянусь, он действительно владеет магией

освобождения. – Я проследила за ее взглядом, но опять наткнулась на Мефистофеля. – Я без сомнений околдована во всех смыслах и не вижу выхода. Это ужасно и великолепно!

Я резко отвернулась от него и всмотрелась в кузину. Ее щеки розовели румянцем, словно два лепестка. Было очевидно, что она очень увлечена мастером освобождений. Однако один взгляд на салон, полный обмахивающихся веерами женщин, заставил меня поднять бровь и прикусить язык.

Похоже, перед Гудини простирался целый сад краснеющих роз. Он, словно шмель, перелетал от одного цветка к другому, смеясь и целуя затянутые в перчатки ручки. Лиза казалась совершенно завороженной, мое же лицо скривилось в недовольной гримасе. Возле некоторых женщин Гудини задерживался слишком долго, его прикосновение затягивалось дольше, чем позволяли приличия.

– Леди.

При звуке этого глубокого голоса я резко развернулась, сердце колотилось о ребра. Мефистофель стоял во всем своем великолепии, ажурная маска окружала озорные глаза. Которые смотрели прямо на меня. С такого близкого расстояния я видела, что волосы, падавшие ему на лоб, были черными. Мягкими и слегка вьющимися, отчего пальцы сами собой тянулись погрузиться в них.

– Кажется, я еще не имел удовольствия представиться должным образом, – сказал он. – Лиза, кто это прекрасное создание и почему ты скрывала ее от меня?

– Моя кузина, – с гордостью улыбнулась Лиза. – Мисс Одри Роуз Уодсворт.

Вот вам и «должным образом». Я чуть не закатила глаза.

– Создание? Вы слишком льстите мне подобными комплиментами, сэр. Не удивительно, что столь многие теряют свои сердца из-за вашего странствующего шоу.

Он смотрел на меня, подняв брови над маской. Определенно, не ожидал дерзости, хотя и следовало бы с таким-то вступлением. Создание, ну и ну. Как будто женщины всего лишь животные, которых любят, когда удобно джентльмену.

– Какие резкие слова, – сказал он. – Надо предупреждать о таком остром язычке.

– Правду часто сравнивают с лезвием, – ответила я. – Неудивительно, что она колет.

Лиза стояла за спиной Мефистофеля и слегка качала головой, но, судя по улыбке, одобряла мое замечание. Во всем, что касается равноправия, она всегда была на моей стороне. Нас, женщин, можно называть созданиями, только если мужчины, которые произносят такие неосторожные слова, согласны принимать и наши грозные когти, когда нам вздумается царапаться.

К моему изумлению он засмеялся.

– Мисс Уодсворт, я…

Между нами вклинилась девушка с бокалами шампанского в каждой руке. Ее сопровождали две подруги. Она нервно предложила бокал Мефистофелю. Тот вежливо принял

шампанское, но пить не стал, его, похоже, все еще забавлял мой ответ.

– Мистер Мефистофель, в первый вечер вы были поразительны. Даже абсолютно великолепны, – сказала девушка и отпила шампанского. Она поморщилась, видимо из-за того, что проглотила слишком много пузырьков, ее щеки разрумянились. – Некоторые из нас интересуются, не продемонстрируете ли вы новый трюк только для нас.

В небольшой толпе вокруг захихикали. Лиза усмехнулась. Это было весьма скандальное предложение, так что я тоже не удержалась от улыбки. Мне нравились эти девушки. Было в них что-то дерзкое, что напомнило моих подруг Иляну и Дачиану. Я загрустила: жаль, что их нет с нами, но они наводили порядок в Румынии после дела Дракулы. Они обещали, что сядут на другой корабль и встретятся с нами в Америке в следующем месяце, если смогут, на что я очень надеялась.

Мефистофель улыбнулся уголками губ, но продолжал смотреть мне в глаза, обдумывая предложение. Я выжидательно подняла бровь. Он повернулся к девушкам и низко поклонился.

– Конечно. Но только если мне позволят самому выбрать следующую жертву.

Одна из хихикающих подружек осеклась:

– Жертву?

– Именно так, – ответил Мефистофель. – Не могу подобрать лучшего слова для предстоящего обольстительного

преступления, а вы?

– Полагаю, нет, не могу.

Она покачала головой и отошла к подругам. Богато одетые девушки переглянулись: они надеялись не совсем на это, но сделка все равно была интересной. Две подруги кивнули, а та, что затеяла разговор, прикусила губу, наверное, раздумывая, принять условие или попробовать выдвинуть встречное предложение, но в итоге согласилась.

– Очень хорошо, сэр. Кого из нас вы выбираете?

– Ее, – показал он на жертву.

Я едва не поперхнулась шампанским, когда поняла, что он показывает на меня. И правда, его внимание не приведет ни к чему хорошему. Я не знала, какую игру затеял Мефистофель, но предположила, что независимо от своего желания придется к нему присоединиться.

Не стану отрицать волнения, когда для следующего представления выбрали меня, хотя причиной тому был вовсе не загадочный мужчина в маске, который вывел меня в центр женского салона. Мне представилась замечательная возможность наблюдать ловкость его рук вблизи, препарировать его представление и увидеть, какими приемами он пользуется, чтобы отвлечь и жертву, как он меня назвал, и зрителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.